

Алексей Аимин

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО РАЮ

НА ГРАНИ НЕВЕДОМОГО

Алексей Аимин
Путеводитель по раю.
На грани неведомого

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35735169
ISBN 9785448561559*

Аннотация

«Те, кто думает о смерти, и те, кто не думает о ней, стоят в одной очереди. Но в отличие от других очередей, желающих протиснуться вперед не так уж много», – считает автор. В этой книге вы найдете удивительную смесь истории, мистики философии иронии и тактичного юмора. Герои повестей «Голкипер», «Сон олигарха», рассказов «Семга», «Кондратий» и «Путеводитель по раю» стоят на пороге потустороннего мира.

Содержание

ГОЛКИПЕР	5
Рубикон	6
Два месяца назад	11
Двор	15
Молодежь	22
Командировка	31
Обустройство	39
Тренировка	44
В гости	47
Диспут	52
Новейшая история	57
Вырезки	57
Жизненные зигзаги	62
Проблемы	69
В бой!	75
Больные места	80
Уроки истории	91
Бюрократия	91
Взаимопонимание	98
Опять в прошлое	105
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Путеводитель по раю На грани неведомого

Алексей Аимин

© Алексей Аимин, 2017

ISBN 978-5-4485-6155-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГОЛКИШЕР

Рубикон

Вовка встал поздно, около десяти. С вечера его мучили какие-то нехорошие предчувствия, и он никак не мог заснуть, а ночью даже пару раз просыпался. Он попытался переключиться. Сегодня суббота и к тому же его день рождения – можно и поваляться. Да, сегодня ему исполняется 22 года, уже двадцать два. Но, что-то заставило его встать и подойти к окну.

Погода была отменная. У подъезда сидели на своем посту божьи одуванчики Клавдия и Липа. Сосед, из дома напротив, выгуливал своих плюгавых песиков, а в центре двора под сиренью Виктор Михалыч резался в шахматы с мужиком по прозвищу Цезарь. Вовка вспомнил, как вчера Михалыч подколот его:

– Это в дневнике две двойки – цифры не очень приятные, а в жизни – самое то. Знаешь, сейчас предложи – любой свои две пятерки или две четверки на твои двойки обменяет.

Вовка еще не решил, куда со Светкой пойдут вечером – в кафешку или отметят этот день дома с Михалычем. Светка настаивала на втором варианте.

Вовка вышел на кухню, но вдруг услышал истошный крик Клавдии. Несколько секунд и он у окна. В доме напротив, на четвертом этаже он увидел маленькую девочку, судорожно хватавшуюся за оконную раму. Михалыч уже вле-

зал на козырек подъезда. «Хочет добраться до нее по балконам» – сообразил Вовка, – «но окно-то на четвертом, успеет ли?» Вовка рванул на помощь. Михалыч стоял на балконе четвертого этажа и готовился к прыжку. Вовка сразу понял, что он задумал и куда именно надо бежать. Ниже этажом влево. Он на одном вдохе влетел к дверям нужной квартиры. Сердце разрывалось от напряжения, Вовка барабанил изо всех сил. А секунды неумолимо бежали.

Неужели никого нет?!

Есть! Чьи-то шаги...

Заспанная физиономия мужчины. Вовка оттолкнул его и ринулся на балкон. Открыв дверь, он увидел сидящую хнычущую девочку. Поднял ее и передал все еще ничего не понимающему хозяину. Сам же бросился к Михалычу, вернее, к его рукам, которые медленно сползали по прутьям балконной решетки. Перегнувшись через перила, Вовка попытался схватить руку, но не успел. Он увидел лишь удаляющиеся спокойные глаза Михалыча, в которых читался вопрос: «Как малышка?» и еще что-то.

Теперь вниз! Вовка первым оказался у лежащего навзничь Михалыча. Он попытался сделать ему искусственное дыхание, но через пару минут понял его бесполезность. Вместе с Цезарем они перенесли Михалыча и положили на траву.

Сейчас они сидели на скамейке, и Вовка корил себя последними словами за то, что всего лишь на одну-две секунды не успел и непроизвольно подвывал. Пал Палыч, так зва-

ли Цезаря, как мог, успокаивал его, хотя и сам был потрясен случившимся:

Рубикон перейден – задумчиво и одновременно утвердительно произнес Палыч – назад дороги нет. Знаю, он смерти не боялся, не раз ей в глаза смотрел. Цельный был человек!

Дальше все происходило как в тумане. Толпа соседей, скорая помощь, охающие старушки, Клавдия и Липа рассказывают зевакам о случившемся – с каждым разом все красочнее.

Михалыча похоронили рядом с женой на Смоленском кладбище. Вовка успел лишь к концу процессии. Он едва успел бросить в могилу горсть земли.

Обычай носить землю на могилы сохранился

со времен возведения языческих курганов

Провожающих было совсем мало – невестка с внуком и все. Сын Дмитрий находился в плавании. Вовка рассказал, как все произошло. Невестка, убрыв набежавшую слезу с горечью прокомментировала:

– Это на него похоже – спасатель... Всюду лез, все-то ему было надо, то кого-то грудью прикроет, то из проруби вытащит. И сам рано ушел, и жену туда раньше времени отправил!

Но, увидев Вовкин взгляд, невестка сбавила тон – Всю жизнь она за него боялась, переживала...

Поправив веночек, она попрощалась и ушла.

Вовка стоял у глиняного холмика в прострации.

– Что теперь-то? – но вдруг вспоминал, как Михалыч собирался погулять на их со Светкой свадьбе. Как он тогда сказал? «Это на поминки не приглашают...» Вовка прошел до ближайшего магазина и вернулся на кладбище. Он видел, куда направились могильщики, и пошел к ним. Зайдя в бытовку, он безошибочно определил старшего – крупного бородача.

– Мужики, давайте помянем хорошего человека.

Старший хмыкнул:

– А здесь, почитай, все кладбище хорошими людьми заселено. Кто ж про покойников плохое скажет? Кто он тебе?

– Никто.

– Значит, и правда хороший человек. У нас сейчас только говнюков всяких толпами и с музыкой хоронят, а хороших людей и при жизни не ценят и после смерти забыть быстрее стараются. Они ж как укор всем оставшимся.

Вовка ехал домой и вспоминал. Знал он Михалыча всего ничего, но ближе человека в жизни не встречал. И это несмотря на то, что по возрасту, тот мог бы быть его дедом. Но между ними была какая-то невидимая связь – чувствовал как их притягивало друг к другу.

Мучил его еще и вопрос: что же было в последнем взгляде Михалыча? Это было какое-то послание адресовано именно ему. И еще это резюме паталогоанатома: – Сердце разорвано как граната – никогда такого не видел – возможно, умер до того как упал.

Вовка чувствовал себя после свершившегося совсем другим человеком, как будто в его теле поселился кто-то еще. Но это его почему-то совсем не тревожило. Он вспомнил слова Палыча: Рубикон пройден – назад дороги нет. Это было сказано и о нем – прежним Вовкой он уже никогда не будет! И еще он вспомнил слова Михалыча:

– Незачем бояться смерти. Как говорили эпикурейцы: *когда мы живем— смерти еще нет, а когда она наступает – то нас уже нет.*

Он все прокручивал и прокручивал в памяти последние секунды жизни Михалыча и тот самый взгляд. В какой-то

момент его словно озарило – это была просьба-наказ: «Продолжай!..»

Два месяца назад

Под равномерное покачивание вагона в его голове одна за другой возникали картины недалекого прошлого. Два месяца назад Вовке повезло, он снял комнату в центре города рядом с работой и всего за тысячу в месяц. Давно уже ему хотелось пожить одному, самостоятельно.

Вовкина мать с отчимом жили в поселке кирпичного завода – три остановки на электричке. Но дело даже не в дороге отнимавшей около часа. Осточертело ему жить в доме отчима с его армейскими замашками советских времен. Да он и сам только-только полгода как отслужил. А когда вернулся, родного дома как не бывало – сгорел дотла. Вот мать и перебралась к своему давнишнему ухажеру, которому почти десять лет во взаимности отказывала.

Жизнь – штука сложная, порой она ведет людей против их желаний и устремлений, особенно тех, кто перестает бороться – так, довольно мудро рассуждал Вовка в неполные 22 года. А ведь в школе он был твердым троечником. Вовка никогда не делал уроки, ему достаточно было внимательно послушать преподавателя, чтобы понять суть вопроса. Он всегда отличался живостью ума, был среди сверстников заводилой и числился хулиганом. Учитывая такие «способно-

сти», а еще «дурную наследственность» (отец сидел, мать, по меркам соседей была легкого поведения), все предрекали ему незавидное будущее. Но Вовка твердо решил опровергнуть это пророчество. Еще до армии он окончил ПТУ по профессии столяр-краснодеревщик, а сейчас подумывал, куда бы пойти учиться дальше.

Виктор Михайлович, хозяин квартиры, показал его комнату и места общего пользования. Потом четко определил обязанности, предупредил по части женского пола, отдал ключи и ушел к себе.

– Аскет какой-то, – подумал Вовка, осмотрев нехитрый кухонный скарб, – да и хрен с ним, лишь бы с наставлениями не лез. Вообще хозяин Вовке поначалу не очень понравился: седой, сухощавый, к тому же военный пенсионер. Прямо ужас какой-то – прет на него эта масть цвета хаки и прет! В возрасте Вовка не разбирался, считал так: раз пенсионер – значит за шестьдесят. Одним словом, древность!

Но вопреки ожиданиям сосед с наставлениями не лез, замечаний тоже не делал. Да и Вовка поводов к этому не давал, соблюдал порядок и девушек не водил – у него их на тот момент и не было. Когда-то была в поселке первая любовь. Со школьных лет дружили, целовались. Из армии его почти дождалась. Но за два месяца до его дембеля выскочила замуж за распальцованного парня при импортной «тачке». Потому Вовка в настоящее время к женскому полу находился в полной оппозиции, то есть твердо стоял под лозунгом «Все

бабы стервы!»

Именно с такой позицией он и познакомил хозяина квартиры, сославшись на пример из своего пока еще небогатого опыта.

– Э, милый, это взгляд однобокий. Ты поставь себя на их место.

– С чего это я на их место должен вставать?

– Ну ладно, давай по-другому. Каждый из нас хочет жить хорошо, и человек постоянно ищет то, что ему нужно. У женщин и мужчин в желаниях различия вроде бы незначительные. Мы ищем, где нам лучше устроиться, а они – как им лучше устроиться. Мужу что? Ему собратиться – только подпоясаться, а у женщин всегда в перспективе хвост, с которым далеко не убежишь. Потому и любовь у них все же с большей долей расчета. Не всегда, конечно...

– Все равно, Виктор Михайлович, с ними кашу не сваришь!

– И без них тоже, – улыбнулся хозяин. – Ты вот что, зови меня просто Михалыч, мне так привычней, а то пока имя-отчество выговариваешь – мысль недолго потерять.

Сосед ушел в свою комнату. Вовка задумался. Не похож Михалыч на всех тех вояк которые ему попадались, совсем не похож. Да еще этот шрам, выступающий из-под ворота рубахи, который Вовка только сейчас заметил.

Вовка работал в частном предприятии по производству

мягкой мебели. Работа не так тяжелая как занудная. За полгода он освоил все операции и мог подменить любого из бригады. А еще он без проблем мог остаться и на вторую смену. Именно потому он числился в хороших работниках, свидетельством тому зарплата, которая порядком подросла.

В первое время, когда Вовка еще жил в поселке, он после работы часто с приятелями оттягивался пивком. Общество отчима ему было невыносимо, и он старался вернуться домой попозже, а то и вовсе заночевать в цеху, благо выбор диванов здесь был большой. Основными темами в его новой компании были две – девочки и автомобили. Здесь процветали хвастовство постельными подвигами и мечты— в основном об импортных «тачках». В конце концов, все сводилось к совсем уж простой схеме: чтобы снять девочек, нужна тачка, чтобы занять тачку – нужны деньги. Вовке эти разговоры быстро стали надоедать, и когда он заимел свою комнату, эти посиделки стал посещать все реже и реже.

Возвратившись домой, он часто валялся перед телевизором на старом продавленном диване и размышлял о своей дальнейшей жизни. Будущее просматривалось неясно, но финал у него рисовался во всей красе. Вот он на шикарном джипе обгоняет устаревший БМВ, в котором сидит Оля со своим хмырем, и Вовка небрежно машет им рукой.

– Эх, было бы с кем посоветоваться, кто бы подсказал, – размышлял он, – а то ни друзей, ни приятелей... Пока он долг Родине отдавал, все куда-то поразбежались, поразъеха-

лись.

Все чаще Вовка стал думать о своем соседе Михалыче. Не раз он возвращался к их мимолетному разговору о женщинах. А тут еще в их фирменном магазине новая девочка появилась, вот уже неделю как с ним переглядывается. Так что кухонная тема, похоже, еще не закончена.

Подтолкнул его к этому новый приятель Пашка. Он работал в агентстве недвижимости, которое находилось рядом с их салоном-магазином. Именно он в прошлом месяце и подыскал ему комнату. Пашка тогда поведал:

– Мужик из Питера, жена у него недавно умерла. Там он квартиру продал, а купил здесь, может, деньги были нужны, может, ближе к природе потянуло. Про квартиранта у него была такая наводка: чтобы молодой, не употребляющий и чтоб после армии – как раз про тебя.

Пашка тоже обратил внимание на девочку из салона, пошутив, что здесь она вряд ли долго проработает, кто-нибудь купит как приложение к мягкой мебели, больно уж хорошо она на фоне диванов смотрится. Непонятно почему, но Вовку это задело.

Двор

Михалыч сидел на скамеечке в глубине двора. На шахматной доске были расставлены фигуры, но его партнер Пал Палыч запаздывал. Было около десяти утра, во дворе было ти-

хо и пусто. За углом еще шаркала метла припозднившегося дворника, а у первого подъезда сидела пожилая женщина, рядом с которой стоял костыль.

Но вот, наконец, из дома напротив, вышел грузноватый пенсионер и засеменял в его сторону.

– Михалыч... – приподняв руку, поприветствовал опоздавший.

– Палыч... – легким кивком ответил тот, и показал на доску— какие выбираете?

Палыч, пробубнив что-то про слонов Македонского выбрал белые и двинул вперед пешку.

Они были знакомы меньше месяца. Пал Палыч был учителем истории. Он прожил в этом дворе уже два десятка лет, а в городке все сорок. Прозвище Цезарь он получил из-за того, что часто упоминал римского императора. Десять лет назад в это время Палыч под руководством супруги пахал бы на собственных шести сотках. Но теперь дача была заброшена, супруга больна. И вот уже не первый год летние каникулы Палыч проводил в городе, читая лекции всем желающим. Желающих было немного и потому Цезарь был очень рад новому знакомству, видя в новом соседе интересного собеседника. Михалыч знал прозвище своего напарника, но называл его так лишь мысленно – возраст уже не позволял.

Из-за угла вывернули две пожилые женщины с журналами и брошюрками в руках. Они окинули взглядом двор и не спеша направились в их сторону.

– Во! Свидетели Иеговы¹ пожаловали, – сообщил Палыч, – не спится им, круглые сутки миссию выполняют. Сейчас спрашивать будут: а вы знаете, как зовут Бога? – заключительную часть фразы он произнес гнусавым голосом.

Женщины подошли, поздоровались и та, что моложе, обращаясь к новому для них человеку, действительно обратилась с вопросом, правда, не по тексту «суфлера» Палыча:

– Вы верите, что на Земле будет конец света?

– Верю.

– А вы хотите спастись?

– Нет.

И если первый ответ полностью вписывался в подготовленный сценарий разговора с непросвещенными, то второй ставил жирный крест на его продолжении в нужном русле. После заученных наводящих вопросов, следующий прозвучал намного искренней:

– Почему?

– Потому что все мои предки, родные и близкие, не успев приобщиться к вашему единственно-верному учению, уже не спаслись. Так я уж заодно с ними – в общую кучу.

– А может, все-таки... – вторая женщина протянула Михалычу брошюрку и журнал.

– Может...

Взяв предложенную литературу, он положил ее рядом с собой на скамейку, – надо же знать, кто нам какое светлое

¹ Организация и все 395 ее местных подразделений запрещены в России.

будущее обещает.

Он посмотрел журнал

– Башня какая-то... сторожевая...

Страница журнала не сулила плохим людям ничего хорошего

– У них башня, у масонов пирамида. И там и там надо карабкаться к месту под солнцем и поближе к высшему начальству. А вообще это прообраз карьерной лестницы – все пирамиды ступенчатые, только из-за масштабности не так в глаза бросается.

– Был я там – видел.

Женщины, о чем-то переговариваясь, пошли дальше.

– Смотри, как они сейчас Клавдию обойдут, – кивнул им вслед Палыч. – В прошлый раз она их так своим костылем отходила! Она-то истинно православная, а православные уж как могут врезать, хоть ракетой, хоть костылем!

Действительно, проходя мимо клавдиной скамейки, женщины прижались к противоположной обочине и ускорили шаг.

Михалыч вспомнил фразу своего фронтового товарища Вадима, которую он запомнил почти слово в слово:

«Каждая религия считает иноверцев врагами и просит у Бога их покарать. Бог в растерянности...»

Палыч поведал о Клавдии Антоновне:

– Нрав у нее будет покруче, чем у Екатерины Великой. Но, как говорится, бодливой корове Бог рогов не дал. В тюремной охране работала – все по струнке перед ней стояли. А лет пятнадцать назад они с мужем на своей машине в аварию попали, так что ей пришлось отнять обе ноги. Но она так лихо на протезах ходит, что не каждый догадается, что она без ног. Воля-то у нее – во! – и поднял зажатый кулак. После чего продолжил:

– Потом муж от нее ушел, и не потому, что подлец какой – он и сейчас ее навещает, – а потому, что извела! – Последнее слово он произнес по слогам и тут же переключился:

– Михалыч, а тебе мат!

– Действительно... Прямо как в той шахматной задаче: белые начинают и выигрывают. Теперь моя очередь.

Расставляя фигуры, Михалыч вспомнил, как он впервые проходя мимо Клавдии угостил ее яблоком. Та попыталась отказаться, но быстро сдалась. Потом она стала жаловаться на высокие цены, на то, что хорошие лекарства и свежие фрукты ей не по карману, а ведь надо и в церковь что-нибудь отнести.

На ее вопросы о своем семейном положении, не развивая тему, Михалыч ответил, что он вдовец, а о материальном – на жизнь хватает.

– Она и с дочкой и зятем не ладит, все указывает, как им жить, как внуков воспитывать, все тяжкие на них вешает.

– Да уж, – вполголоса добавил Михалыч, – взгляд у нее прокурорский.

– Клавдия всю грехи замаливает, – продолжил Палыч, – считает, что это за спесь и гордыню ее Боженька покарал. На другой конец города в храм ездит, а там пешком от вокзала почти километр, ни одну крупную службу не пропускает. Только толку-то, – он махнул рукой, – обратно уже ничего не вернешь, рубикон пройден.

Михалыч знал, что это выражение Юлия Цезаря, но показывать свою осведомленность не стал, чтоб Палыч не заподозрил в этом намек на его прозвище.

В это время раздался шум. Из окна четвертого этажа од-

ного из домов послышались ругань и плач ребенка. Михалыч вопросительно посмотрел на своего визави.

– Это у Ковалевых. Была семья как семья, квартиру вот получили – одними из последних. Успели еще по советской очереди. Две дочери. Старшей годков двенадцать, а младшая лет пять назад родилась – Катей зовут. Больная девочка, что-то с позвоночником.

А мать два года назад взяла и укатила с проезжим гастролером, Мужу Кольке этот довесок оставила. Он-то работает, а за ребенком постоянного пригляда нет, когда старшенькая, когда соседка, а когда и одну запирают в квартире. А ребенку скучно одной, она все на окно забирается, – любит во двор смотреть. А сейчас соседка, видимо, пришла покормить и с подоконника ее снимала. Жизнь у многих такая, что не позавидуешь.

– Да уж, за что боролись... Кстати, Палыч, ты вроде проиграл, два хода тебе осталось, так что один – один.

Молодежь

У Вовки был внеплановый выходной, должок сменщика, – не все же ему по две смены пахать. Он хорошо выспался, встал, умылся и пошел на кухню. Выглянул в окно посмотреть на погодные условия, – погодка отличная. В глубине двора на скамеечке за шахматной доской сидели Михалыч с Цезарем. – Прямо как в старинных фильмах из шестидесятых – застойные времена. А впрочем, чего им еще остается – доживают. Это у нас еще все впереди, а у них уже все давно сзади.

Допив чай, Вовка прошел в свою комнату. Он уже знал куда пойдет, хотя по-прежнему врал самому себе, что это ничего не значит, однако пересмотр имеющейся одежды говорил об обратном. Наконец, надел светлые брюки и белую тенниску. Подойдя к зеркалу, он оглядел себя.

– Конечно не голливудский красавец, но ничего, в меру накачан, рост за 180, серо-голубые глаза, умный взгляд... – это я себе, пожалуй, польстил, – заканчивая осмотр, подумал Вовка.

Когда он вышел во двор, к Клавдии уж присоединилась еще одна сиделица в белом платочке в мелкий горошек. Обе они с синхронным поворотом головы проводили Вовку немного осуждающим взглядом. Полного осуждения у них обычно достаивались местные хип-хопы, в шортах,

с пирсингами и невообразимыми прическами на головах. Вовка же был прилично одет и причесан, и вся его вина видимо состояла в том, что был молод.

Через десять минут он уже был у дверей салона-магазина. Света, с которой он уже успел познакомиться, из другого конца зала, приветливо помахала ему рукой. Покупателей еще не было, и они могли спокойно беседовать. Говорили ни о чем, главным здесь был элемент общения: приятно было слышать голос, смотреть в глаза, ловить дыхание и при этом, если смотреть со стороны, глупо улыбаться.

Света была хороша, и всего-то у нее было в меру и рост и фигура. На милом личике, выделялись глаза, они были необычные, серые с золотистым ободком. Вовка уже видел, как на солнце они просто сияли. Именно тогда, когда он впервые увидел это сияние он и был сражен, хотя окончательно это он уразумел чуть позже, вернувшись после той встречи домой.

Салон был пуст и ждал покупателей

Зашел первый покупатель, и напарница Светы, крутобокая Катя взяла его на себя. Но вот в салон посетители начали заходить один за другим.

– Девушка, – обратилась к Свете пышная дама, которую сопровождал долговязый и прыщавый молодой человек, – а можно заказать у вас этот набор с другой обшивкой?

Вовка сразу сообразил, – сынка женит.

– Конечно можно, – и Света выложила перед ними папку с проложенными в полиэтилене лоскутами обивочного материала, – выбирайте.

– А какой гарантийный срок?

– При аккуратном обращении до серебряной свадьбы может хватить, – выпалил Вовка, и сам удивился своей смело-

сти и даже наглости. Светка прыснула.

Видимо он попал в точку. У долговязого чуть отвисла губа, а дамочка подозрительно взглянула на Вовку и спросила:

– А вы собственно кто?

– А это наш мастер, который эту мебель и делает, – пытаюсь спрятать улыбку, вступилась за него Светка.

Дамочка еще раз взглянула в их сторону и, взяв долговязого за руку, потянула к выходу.

– Ты мне так всех покупателей разгонишь.

– Да ты сама тоже, – мастер, мастер, – необходимо передразнил он, – если бы ты какого-нибудь мужика пенсионного возраста ей показала, она бы это серьезно восприняла, а тут непонятно кто и зачем.

– Не надо. Ты вполне прилично выглядишь, только вихор надо пригладить, – и Светка нежно провела рукой по его затылку, – ну все, иди не мешай, – и она направилась к молодой паре с малышом в рюкзаке.

У Вовки все внутри перевернулось, он потерял дар речи. Это нежное прикосновение было неожиданным и в то же время долгожданным. Сколько он себя помнил, по голове его в основном били, и в школе и дома и в армии. Только в самом далёком детстве, когда он ободрал колени, его покойная бабушка гладила его по голове и приговаривала: до свадьбы заживет, непременно заживет...

Вовка вышел из салона, и, пошел, сам не зная куда, но уже через минуту остановился. Чего же это он не назначил ей

встречу, не пригласил никуда? Вернуться? Нет, он ее после работы встретит, и они сходят в кафешку или боулинг.

Вернувшись домой, Вовка первым делом посмотрел что еще у него еще имеется из одежды, подходящего для вечерней прогулки. Надо бы что-то и потеплей, вдруг загуляемся до утра. В его скромном гардеробе нашлась только трикотажная куртка с капюшоном, да и та по шву разошлась. Иголками и нитками он еще запастись не успел, – придется попросить у Михалыча. Он подошел к его комнате и постучал.

– Заходи – услышал он его голос из-за двери.

Михалыч сидел за письменным столом у окна, на котором лежали газеты, журналы и несколько книг. Он вопросительно взглянул на Володьку.

– Мне бы иголку с ниткой.

Михалыч достал из нижнего ящика стола шкатулку.

– Ну, кажись у тебя личная жизнь налаживается?

– А почему вы так решили?

– Светишься изнутри.

– Так заметно?

– Да нет, если не приглядываться.

Вовка не утерпел и рассказал Михалычу о своей Светлане, в мыслях он ее уже называл своей.

– Ну-ну, – подбодрил Михалыч, – ты только не торопись, не поддавайся целиком чувствам, ведь нам еще и разум дан. Хотя вам говори, не говори, у вас всегда по-своему.

– Да нет, почему же... – Вовка окинул взглядом комнату. Обстановка была такая же аскетическая, что и на кухне. Рядом с письменным столом книжный шкаф, в одном углу стоял диван, в другом тренажер. Из мебели было еще кресло и тумба с телевизором.

Михалыч смотрел на Вовку и думал: Парень как парень, но что-то в нем есть, он это сразу почувствовал – стержень какой-то. Именно с такими в разведку ходят. Он продолжил разговор в более мягкой форме:

– Хотя по-своему вы правы – можно долго и упорно строить планы на будущее, а в это время жизнь будет проходить мимо.

– Немного же вы нажили, – заключил осмотр Вовка, – а бабки вами интересуются, считают завидным женихом.

– Какой я жених, к другой жизни уже готовлюсь, а там, это барахло не пригодится.

– Вы что в Бога верите?

– Верю. Правда, не в такого, в которого эти твои бабки верят. Я не в сказки верю, больше на факты опираюсь, особенно те, которые современная наука не в силах объяснить. Ты про академика Вавилова слышал?

Вовка невразумительно мотнул головой.

– Так вот, в начале 30-х годов прошлого века он исследовал дикие и культурные сорта пшеницы, и сделал вывод, что из дикой пшеницы, культурная получиться никак не могла.

Для этого надо было хромосомный ряд переделать, что даже сегодняшней науке не под силу.

Михалыч взглянул на Вовку, – тот его внимательно слушал. Тогда он продолжил:

– Мало того, что культурная пшеница появилась сразу же в нескольких местах на земле. Надо было еще людей заставить перейти от азартного занятия охотой, к нудному и тяжелому земледелию. А ведь дичи, по мнению ученых, на тот период вполне хватало.

– А зачем Ему это было надо?

– Вот это вопрос по существу! – Михалыч не заметил, как распалился, – Все просто! Белковая пища мало способствует развитию мозга. А вот клетчатка и глюкоза, которой в пшенице навалом, – это то, что надо! Значит, кто-то хотел, чтобы мы поумнели...

После возникшей небольшой паузы, Вовка спросил:

– А что стало с Вавиловым?

– Опубликовав свои исследования в 1934 году, он, сам того не подозревая, подписал себе смертный приговор. В период индустриализации, коллективизации и борьбы с религией, намек на высшие силы это было слишком. К тому же на место земного бога уже претендовал «отец народов» – товарищ Сталин. Надеюсь, о нем ты все же что-то слышал.

На этот раз Вовка кивнул твердо. Он подошел к книжному шкафу. Основная часть книг была крупногабаритной – в основном справочная литература и словари. На одной из по-

лок, он увидел хрустальную селедочницу на которой лежало перо необычной формы чистейше белого цвета. В середине его был виден небольшой надлом.

– А это у вас что?

– Сувенир из Африки.

– Отдыхать туда ездили?

– Да нет, воевать пришлось. Будет время, я тебе обязательно расскажу.

Вовка ушел, а Михалыч, вновь вернулся в свою молодость, туда, к событиям тридцатилетней давности, где он был просто Виктором. Да нет, пожалуй, уже почти сорок прошло...

Командировка

Ему двадцать семь, старший лейтенант, командир взвода наведения ракетных комплексов С-125. О том, что ему предстоит выполнять интернациональный долг, Виктор узнал за несколько дней до отправки. Сначала с ним, как, впрочем, и со всем младшим командным составом дивизиона, провели предварительную беседу. Замполит говорил о возможном привлечении дивизиона к заданию особой важности, после чего он подписал уже заготовленную бумагу о неразглашении. Два следующих дня ушло на заполнение специальной формы, в которой надо было указать всю родню вплоть до седьмого колена и постараться вспомнить, где они были и чем занимались в лихие годы Отечественной и Гражданской. На следующий день их собрали в штабе, и провели разъяснительную работу с участием человека в штатском – сотрудника ГБ.

На стене был вывешен плакат из хрущевских времен, что было само по себе удивительно. Но никто какого-то подвоха не заподозрил.

Годы	Место	Участники	Итоги конфликта
1956	Ближний Восток	Англия, Франция, Израиль / Египет, СССР	Провал агрессии против Египта.

Дружба навек!..

Сначала выступил полковник, зам. командира дивизии по полит-части, рассказавший о сложившейся ситуации на египетско-израильском фронте, о поддержке израильской стороны Соединенными Штатами, о «Фантомах», «Миражах» и «Скайхоках», от налетов которых нам предстоит защищать простых феллахов, рабочих египетских заводов и фабрик, и остальное мирное население. Штатский, под пиджаком которого тоже проступали погоны не ниже майора, предупредил нас о строгой секретности предстоящей операции. Потом он заклеил подлую сущность агрессора, приведя лозунг сионистских организаций: «Израильтянин, вот твоя родина – от Нила до Евфрата» и предупредил об изоц-

ренном коварстве врага.

– Как будто мы здесь евреев не видели, – услышал я за спиной голос Вадима Градова, лейтенанта, инженера-техника РЛС.

Штатский, словно бы буравчиками просверлил Градова взглядом, выдержал паузу, и четко произнес:

– Не стоит недооценивать противника, а заодно и проводить ненужные параллели.

Вадим нравился Виктору, он выделялся из всех какой-то уверенностью, независимостью взглядов и суждений. постоянно таскал с собой кучу книг, над которыми усердно корпел по вечерам.

Вообще инженеры это особый народ, привилегированный. Когда армейское начальство видело внутреннюю начинку новой техники, с кучами переплетенных проводков и сигнальных лампочек, в их мозгу никак не укладывалось, как во всем этом можно разобраться. Ну а сами инженеры, в присутствии армейских командиров так и сыпали терминами: диоды, триоды и прочие заковыристые в произношении детали. Конечно армейские, чувствовали себя при этом полнейшими нулями и потому тихо ненавидели спецов. А кому, скажите, может понравиться чувствовать себя дураком? Потому армейское начальство воспринимало инженеров, как неизбежное зло технического прогресса, обходило их стороной и во избежание казусов не загружало ни строевой подготовкой, ни нарядами.

Погрузка на транспорт осуществлялась в строгой секретности в ночное время. Рядом с техникой и ракетами были оборудованы места для отдыха рядового состава. Это потом уже их сменщиков везли на комфортабельных лайнерах по загранпаспортам, как технических специалистов, а им, первым досталось по полной. Несколько суток в духоте и жаре, в условиях приближенным к тюремным. Только ночью людей выводили на палубу подышать свежим воздухом и освободить трюм от продуктов жизнедеятельности.

Вадим, я и замполит капитан Непорчук стояли на палубе, опираясь на борт, и смотрели на переливающиеся в лунном свете волны.

– Нате, кушайте заразы! – услышали мы за спиной. Это с размаху выплеснул ведро нечистот за борт рядовой Рябов.

– Это ты кому? – строго спросил замполит.

– Акулам империалистическим, кому же еще, – ответил тот, – ведь мы же уже поди в Средиземном?

– Где мы, это не твое дело, а вот про акул империалистических ты правильно выразился. Вот как прибудем на место, мы им еще не так подгвоним, – и замполит хохотнул вслед своей, на его взгляд, удачной шутке.

– Сейчас компотик организуем, – и Непорчук отправился в сторону камбуза.

– Этот подгвонит, – Вадим проводил взглядом удаляющуюся фигуру, – он не только чужим, он и своим всегда готов

это сделать. Ты с ним поосторожней.

– Сам поосторожней, чего на инструктаже с евреями светился? Могли и не взять.

– А я сюда и не рвался. Отсеяли бы и ладно.

Вадим закурил.

– А ты знаешь, Виктор, я ведь и вправду с некоторыми евреями близко знаком, с теми, кто на землю обетованную отправились. Однокашник мой там. В десятом классе дружили, теперь по разные стороны будем...

В Александрии выгружались ночью. За день подготовились к маршу, за это время успели перекрасить технику в пыльно-желтый цвет и переодеться в форму египетской армии без каких-либо знаков отличия. На ноги вместо сапог – высокие ботинки со шнуровкой, на голову – кепи. После наших пилотов и фуражек, легкие кепи с длинным козырьком делали лица ребят совершенно неузнаваемыми. Многие из призывников южных республик действительно почти не отличались от солдат египетской армии.

Нашему Дивизиону были приданы зенитные самоходные установки «Шилка» и отделение стрелков-зенитчиков «Стрела-2», а также несколько тягачей. За ночь был совершен марш-бросок (порядка 200 км.), на заранее подготовленные для нас позиции. Последнюю треть пути двигались по пустыне, техника вязла в барханах, которые преодолевали под «Дубинушку» и известные подбадривающие выражения.

Выдвижение на позиции

Непорчук бегал от одной завязшей машины к другой, призывая всех еще чуть поднажать и как следует поднатужиться.

– Товарищ капитан, – раздался из темноты чей-то веселый голос, – тут от нашей натуги уже весь воздух на несколько километров испорчен.

Раздался дружный смех.

– Товарищ капитан, – слышалось от другого борта, – а баня будет?

– Не обещаю. С водой здесь говорят туго, а вот одеколон постараемся выдать.

– Какие уж одеколоны, – когда идешь позади колонны! —

вновь вмешался первый, в котором я узнал голос рядового Рябова.

К рассвету мы уже были на своей позиции. Укрытия для людей и техники были выполнены из железобетона, а места пусковых установок обвалованы мешками с песком. Столовая располагалась отдельно. Вся позиция была огорожена колючей проволокой. Снаружи охраняли арабские солдаты, внутри были выставлены наши собственные посты.

Хотя командир дивизиона уже доложил командованию о готовности к боевому дежурству, дел было непочатый край. Однако все работы по полному развертыванию комплексов были перенесены на ночное время, как в целях сохранения секретности, так и из-за нещадно палящего солнца (это в середине-то марта). Поступила команда к приему пищи.

Уже час, как со стороны столовой утренний ветерок доносил приятные запахи, но стол превзошел все наши ожидания, и этот первый прием запомнился солдатам надолго. Нам, привыкшим к перловке со шкварками, жидкому пюре с котлетой из хлеба, макаронам по-флотски сдобренных комбижиром, сегодня были предложены: салат из свежих овощей и мастерски пожаренная курятина. А вместо сизого киселя или компота из сухофруктов на столе стоял натуральный апельсиновый сок.

– Слушай, – обратился ко мне Вадим, наворачивая кури-

цу, – кругом одни пески, откуда это все берется?

Мы еще не знали, что египетское командование предложило в рацион офицеров включить сухое вино, ведь англичане всегда его требовали. Но наши отказались, видимо боялись развратить нас, или считали, что нам и спирта, выделяемого для технических нужд, вполне достаточно.

Первый день ушел на обустройство. Рядовой состав располагался в том же большом тоннеле, что и командный пункт. В его ответвлении были установлены деревянные нары в два яруса. Младших офицеров селили по двое-трое, в свежевырытых землянках перекрытых железобетоном. Стены были завешаны грубой тканью, а на деревянных настилах лежали тюфяки и войлочные валики.

Как-то само собой я оказался вместе с Вадимом. Когда распаковывали свои небольшие чемоданы, он вынул несколько книг, среди которых были словари французского и английского, Вольтер в подлиннике и... «Как закалялась сталь» Н. Островского.

– Это я для прикрытия, – увидев мой вопросительный взгляд, пояснил Вадим, – они же с подозрением отнеслись к этому набору, ну я им и заявил, что хочу коммунистические идеи из этого бессмертного произведения братьям арабам внушать. В анкете-то я написал, что иностранными не владею, сказал, что пока лишь несколько слов знаю: Noy, Yes и Revolushion. А то ведь они шибко боятся, что кто-то вражьи голоса будет слушать.

– А ты слушаешь?

– А ты? – мгновенно отпарировал Вадим, и я понял неуместность своего вопроса.

– Ладно, – более миролюбиво продолжил он, – притремся.

Обустройство

Через неделю мы уже совсем освоились с обстановкой. Основных трудностей было две – недостаток воды и переизбыток солнца. Воду нам давали две скважины, одна питьевую, другая техническую. Первая иссякала к обеду, вторая к ужину. Солнце, особенно во второй половине дня палило нещадно, потому всю основную физическую работу делали после его захода. Хорошо еще нас завезли сюда в марте, и мы привыкали к жаре постепенно, ведь к июню температура в тени достигала уже 50 градусов, а на солнце все 80.

Смена климата, питания и особенно качества воды сразу же отразилось на организмах рядового и командного состава дивизиона. Овраг за площадкой на время стал самым посещаемым местом, это уже позже там были выстроены туалеты. Арабы, из внешней охраны долго недоумевали по поводу необходимости этих построек. Смех смехом, а несколько человек в дивизионе заболели серьезно. Наш санинструктор – фельдшер по образованию – поместил их в отдельную землянку с подозрением на дизентерию.

Арабы потом построили нам в подарок

Первые дни было очень много работы, к тому же наши дежурства с Вадимом не совпадали, потому нам было даже некогда поговорить. В конце первой недели в землянку, где лежал на своем тюфяке, с угрюмым видом вошел Вадим.

– Ну вот, воевать не воевали, а уже первые потери...

– Чего там случилось?

– В соседнем дивизионе рядовой умер, вот так же с животом прихватило, кто ж определит какая там зараза, когда везде одни фельдшера.

– А ты откуда знаешь?

– Разговор по радиации засек. Говорили хоть и не открыто, но я их кодовый язык знаю – груз 200. Только – он приподнял палец и испытующе взглянул на меня.

– Само собой.

Действительно, на следующий день к нам прислали какого-то уполномоченного майора, который провел инструктаж по санитарии. Он читал, видимо, с наспех отпечатанного руководства, при этом поминутно спотыкался на медицинских терминах. Про умершего солдата не было сказано ни слова.

Потом отдельно был собран офицерский состав, где нам строго секретно сообщили о воздушном инциденте в небе Египта. В первый день дежурства одним из наших дивизионов был сбит ИЛ-28 египетских ВВС, по поводу чего было тщательное разбирательство, сделаны соответствующие выводы и приняты меры.

Возможно, именно это повлияло на то, что на следующий день, при пролете над нашим дивизионом двух израильских «Фантомов» пуск ракет произвели с запозданием и цель не поражена. Однако выстроенная линия из 25 установок полностью перекрыла их наработанные маршруты на Каир, Александрию и другие города в долине Нила.

После первых двух недель адаптации все как-то успокоилось. Все чаще у нас выдавалось время пообщаться с Вадимом. Хотя он был на два года моложе, однако более продвинут и информирован, что позволяло ему в наших беседах быть на высоте.

– Ты хоть знаешь из-за чего весь этот сыр-бор? – как-то спросил он у меня.

– Ясно дело, египтяне хотят освободиться от империалистического гнета, построить свой социализм, вот мы им и помогаем.

– И все? Все твои знания и убеждения? И ты полностью доверяешь нашим политработникам? Хотя... откуда тебе что знать, – школа, военное училище, комсомол, рекомендуемая литература.

– Так просвети меня, деревенского, – без особой обиды ответил я.

– Ты, правда, хочешь?

– Хочу.

– Тогда начнем с истории. В VII веке был образован арабский халифат, который два века терроризировал Европу. По сути, это была первая война мусульман с христианами. Иудеи стали проигрывать христианам и решили помочь родиться третьей силе из местных кочевников-варваров и направить их на своих соперников. Не пробившись через Византию в Европу, арабы прошли по северу Африки, и заняли Испанию. Там их смог остановить только Карл Великий. Кстати, на стороне Византии и Карла в войне принимали участие русы и древние славяне.

Через шестьсот лет попытка создания «всемирного халифата» была повторена турками сельджуками и тогда Византия пала. На ее месте была создана Османская империя, с которой уже напрямую пришлось воевать нашим предкам, сначала это было Крымское ханство, а затем и сами турки. Ну,

об этом из учебников истории ты все-таки кое-что знаешь. И вот еще через шестьсот лет – начало третьей попытки, в которой мы опять участвуем. Но самое интересное, что теперь мы на стороне мусульман.

– Ну, это ты перегибаешь!

– Ты книгу Гамаль Абдель Насера «Философия и революция» читал?

– Откуда?

– Жаль. Но если честно, и я тоже не читал. Однако ее суть мне известна. В ней Насер поставил для себя задачу стать лидером 55 миллионов арабов, затем 224 миллионов африканцев и, наконец, 420 миллионов мусульман. При этом выступить единым фронтом против «империализма» – читать западных христиан – восточных он оставляет на потом, используя при этом нефть, как главный экономический козырь, как он выразился – «жизненный нерв цивилизации». А мы ему Героя...

После наступившей паузы Вадим задумчиво продекламировал:

*Потеряю истинную веру —
Больно мне за наш СССР:
Отберите орден у Насера —
Не подходит к ордену Насер!
Можно даже крыть с трибуны матом,
Раздавать подарки вкривь и вкось,
Называть Насера нашим братом,*

Но давать Героя – это брось!

– Владимир Высоцкий, – назвал он автора, – мой любимый поэт и певец.

Наш разговор на самом интересном месте прервал сигнал тревоги.

Тренировка

В Египте сумерек не бывает, день в течение нескольких минут переходит в ночь. Причем ночь намного темнее вина «Южная ночь», которым мы баловались в молодые годы.

Когда мы выскочили из своей землянки, наверху было, —хоть глаз коли. Наконец мы сориентировались на фонарь у командного пункта и побежали в его сторону. В это время по громкоговорящей связи поступила команда «Занять круговую оборону!». Эту установку мы уже отработывали, правда, в дневное время, в ночное это оказалось намного сложнее. Впотьмах происходило множество натыканий и столкновений, отовсюду слышались возгласы и ядреные словеса.

Проверив охранение у пусковых установок, я двинулся вдоль линии обороны, проверяя расположение и наличие личного состава. Линия обороны, закрепленная за моими боевыми расчетами (около полукилометра), представляла почти замкнутое кольцо, прикрывавшее северное, западное и южное направления. По нашим обычным меркам органи-

зовать оборону значило окопаться. Здесь же земля была каменной, вернее это и был камень-известняк желтого цвета. Вдолбиться в него не было никакой возможности и защитой оборонявшимся служили брустверы из того же самого камня.

Пройдя примерно половину своих расчетов, я наткнулся на капитана Непорчука, который тут же мне сделал замечание:

– Вы где болтаетесь старший лейтенант, мне тут приходится вас подменять. Вы думаете, я и во время боевых действий это буду делать?

Вообще я такого подумать никак не мог.

– Придется вас по плацу погонять, – не унимался Непорчук, – чтоб свои ноги потренировали!

После первой бурной атаки капитан все же прояснил обстановку. Тревога отнюдь не учебная, а боевая. Перед самым закатом наши РЛС засекли две низколетящие цели, судя по скорости вертолеты. Не долетая до наших позиций, они вдруг исчезли с экранов, видимо сели. Возможен десант.

– Товарищ старший лейтенант, тут Клюев бровь разбил, никак не остановить.

– Перебинтуйте.

– Так нет бинта.

– Вот платок, сделайте ему примочку.

– Так нет воды. Нечем смочить.

В диалог вмешался замполит:

– Как смочить повязку, если нет воды? А подумайте!

Отовсюду, с некоторой разноголосицей слышались смешки.

Ночь в пустыне

Появившаяся из-за горизонта луна, начала освещать тер-

риторию комплекса и уходящую к горизонту пустыню. Точнее это был полумесяц, располагавшийся на небе необычно – рогами вверх. Он довольно быстро из красноватого стал желтым, а еще через пару минут засиял серебром. На черном, усыпанном звездами небе светилось некое рогатое чудо. Прямо, как в арабских сказках, – подумал я.

Сразу стало спокойнее. Замполит снял свою кепи и промокнул платком лысину. Но, она продолжала блестеть, отражая лунный свет. Я вспомнил, как солдаты подшучивали по поводу прически замполита: это у него не лысина, это у него пробор такой широкий, – и улыбнулся.

– Чего скалишься?

– Товарищ капитан, вы бы кепи-то одели, – позиции демаскируете.

– Ты шути, шути, только не громко – тихо порекомендовал он мне, и чтобы уже слышали все в полный голос, добавил, – и чтоб не спать!

Мы еще не знали, что таких бессонных ночей за последующий месяц у нас будет добрая треть. С рассветом прозвучала команда «Отбой» и, построив свои расчеты, я отправил их отдыхать.

В гости

Недалеко от наших позиций располагался учебный аэродром, где наши инструкторы обучали будущих египетских

«ассов» на винтовых Ла-9. Именно с этого аэродрома нас, группу из четырех человек отправили на вертолете в Каир, рядом с которым располагалась наша летная часть. Мы должны были скоординировать свои действия, отметить у себя их воздушные коридоры, согласовать позывные.

В нашей группе старшим был заместитель начальника дивизиона капитан Малинин. И мы три лейтенанта – главный «планшетчик» Крымов, Вадим и я. Большую часть пути внизу смотреть было не на что, – сплошная пустыня. Ближе к Каиру стала появляться растительность и небольшие селения, сам же город остался в стороне.

Летчики нас встретили дружелюбно, пригласили в столовую, но мы отказались, – потом. Капитан от нас отклеился по своим более важным делам, дав нам на наши три часа. Мы уложились в один час, после чего нам предложили экскурсию. Осматривать прилегающую пустыню мы отказались и потому напрямиком направились в ближайший ангар. Там, оказывается, нас ждали.

На столе стояли два огромных блюда, одно с бананами, второе с финиками и инжиром. По периметру стояли стаканы, а в центре шалашиком три фляжки.

– Ракетчикам пламенный привет! – провозгласил здоровый дядя в комбинезоне, один в один с техником из кинофильма «В бой идут одни старики», – Прощу к столу!

– Хорошо устроились, плоды фигового дерева потребляете, – подколот Вадим, сделав неправильное ударение в слове

фигового.

– Так нас Садыки снабжают, плеснешь им керосину бидончик, они за это не только принесут, могут и привести кого надо, даже своих дочек предлагают. Нет, что не говори, не наши это люди, не наши. И порядки им наши до фени! Их коммунистическая идея исламом зовется – подытожил механик.

Он достал из облезлого холодильника бутылку «Боржоми», предупредив, что это главный дефицит, – идет только на разбавку, а в чистом виде ни-ни. Разбавив, ыпили за содружество родов войск.

– Ваш ликер «шасси» точь в точь как наш «сопло», – режюмировал Крымов.

– Само собой. Из одной бочки, да и очистка поди одинаковая, – авторитетно пояснил техник.

– А москвичи среди вас есть? – спросил Вадим
Летчики прыснули. Мы недоуменно переглянулись.

– А ты случайно не оттуда – он показал на восток, где находилась линия фронта.

Мы опять ничего не поняли. Тогда они рассказали, как до «командировки» в Египет они упорно учили английский, для переговоров с диспетчером во время полета и как в первый же вылет услышали: – Привет русские! Воевать прибыли? А москвичи у вас есть? А ленинградцы?

Мы рассказали летунам о своих трудностях, а они нам о своих. По настоящему боевых действий еще ни у них ни

у нас не было. Летчики на своих МИГах выполняли в основном барражирующие полеты на больших высотах порядка 6—7 км. над территорией между Нилом и Суэцким каналом. А израильтяне выскочат из-за гор на бреющем, долбанут по арабским батареям и назад. Мы за ними. Но нам же разрешено с ними разбираться только над своей территорией, за канал соваться запрещено – не дай Бог собьют. Потому что упасть наш летчик должен здесь, иначе вся секретность миссии раскроется. Так что противник успеваеьт смыться. Но хоть на Каир летать перестали, – побаиваются. Расчетливые ребята...

МИГ-25. Кликуха – «летающий гастроном».

**Наши летали в основном
под сирийским флагом**

– Конечно расчетливые, тут новую байку про них рассказали, – вступил в разговор рыжеватый летчик сидевший в конце стола под самым хвостом МИГа. Не дожидаясь просьб, он начал:

– Собрались, значит, евреи и обсуждают дела насущные. Вот один из них говорит: – Не любят нас в мире. Завидуют что мы богатые, считают, что мы всех обманываем, обвешиваем и обсчитываем. Добром это никак не кончится, надо бы им всем чего-то дать, подарить... Стали думать. Тут один и говорит:

– А давайте им религию подарим! Все на него сразу зашишукали, мол, ты что сдурел?! Религия – это же святое!

– Да вы меня не поняли, – говорит он, – свою религию мы себе оставим, а им новую выдумаем...

Так две тысячи лет назад евреи и спаслись.

– Надо бы эту баечку нашему политруку рассказать, – сказал я, – она ему шибко понравится.

– Ага, – поддакнул Вадим, – а еще добавить, довеском, что сначала они арабам ислам подкинули, а сто лет назад нам коммунистическую идею.

– Хватит! – вмешался техник, – Разговорились тут. Сталинские времена забывать стали, он бы вам за такие разговоры быстро путевку на Колыму выписал, а там, кстати, бананов на закуску не дают, – и стал разливать по второму кругу.

Через два часа мы погрузились в вертолет. Капитан Малинин тоже благополучно решил свои важные дела, о чем свидетельствовало его хорошее настроение и исходящий от него запах коньяка. Мы все старались дышать в сторону, но от-

дача от «ликера» ему была прекрасно знакома, поэтому он порекомендовал по позициям не болтаться, а сразу в норы.

Мы так и сделали. Но не успели мы расположиться на своих топчанах, как ввалился Крымов с полной фляжкой и парой банок консервов.

Диспут

– Капитан нас от всех вахт и дежурств освободил, сказал, что упорно поработали, устали и к тому же в полете всех уболтало. Так что я предлагаю продолжить банкет.

Протестов с нашей стороны не последовало, и мы быстро соорудили стол из чемодана положенного на табурет.

Разговор свелся к двум главным вопросам: на хрена нам эта пустыня сдалась и сколько мы еще будем здесь кости вялить и пыль глотать?

– Хамсин начинается, – проинформировал нас Крымов, – теперь почитай два месяца света божьего не увидим.

Мы уже испытали на себе это природное явление – постоянный, сильный ветер, и пыль, от которой никуда не спрятаться. Здешний сезон ветров, так сказать, как в других местах, сезон дождей, например.

– Хамсин в переводе означает пятьдесят дней, – продолжал проявлять свою эрудицию Крымов, – и чего они в этой пустыне нашли?

– Это очень древняя земля, – ответил ему Вадим, – оско-

лок древней цивилизации. Когда-то здесь была благодатная страна, богатые пастбища, масса животных и птиц, плодородные деревья, можно сказать рай земной.

– Откуда ты это все знаешь? – я давно хотел прояснить для себя такую осведомленность Вадима.

– ВМГУ на исторический собирался поступать. В ленинке часто засиживался, там еще кое-что можно найти.

– Хорошо, – вновь вступил в разговор Крымов, – а наши предки тогда где жили?

– На Северном Урале и Западной Сибири, там страна такая была – Гиперборея. Древние греки ее так называли, – большая северная земля означает.

– Не знаю такую – откровенно признался Крымов.

– Ну вот, их хамсин знаешь, а землю своих предков нет.

По нашему это Лукоморье – про него-то слышал?

– А как же, там еще русалки по ветвям развешаны.

– Так мы про баб или про историю?

– Про историю – бабы далеко а история под ногами. – встал я.

– А я бы Пушкина сейчас почитал – осточертела это пустыня... – задумчиво произнес Вадим и продолжил:

Пушкин всегда был с нами

В Гиперборее жили и предки германцев – *мань* и предки славян – *вань* и предки руссов-скифов *рань*, вот они и расселились вокруг Каспия с центром в Иране и в Причерноморье.

– А зачем мне все это? Надо в будущее смотреть, толку то в том прошлом копать? Я фантастику люблю, вот в «Туманности Андромеды» люди будущего – сильные, умные...

– А главное, не сеют, не пашут, только по космосу шарашат, – встрял в разговор я, так как тоже недавно прочел книгу Ефремова и этот вопрос уже возникал у меня по ходу ее

прочтения.

Вадим одобряюще посмотрел на меня, и вернулся к Крымову:

– Вижу, веришь в светлое будущее, в которое приведут нас наши руководители? Дожить до него собираешься?

– А во что верить? – Не в Бога же, – Крымов даже обиделся на наш наскок, – И вообще, я на провокационные вопросы не отвечаю.

– Ладно-ладно, – решил я смягчить обстановку, – разливай, а я пока анекдот расскажу:

Идет, значит, на одном крупном предприятии собрание в честь годовщины Октябрьской революции. Приехал туда какой-то секретарь ЦК и говорит с трибуны: «К концу этой пятилетки мы будем жить в пять раз лучше!», и тут негромкий голос из зала: «А мы?».

– С вами поведешься, – точно на Колыму загремишь, – хрюкая, выдал Крымов.

– Ничего, – морозы нам привычней, чем это пекло, ты-то Крымов откуда?

– Из Волочаевска.

– А чего это тебя так занесло далече? Крымовы все должны в Крыму и жить.

И снова все дружно заржали. Наступил момент, когда даже палец покажи, и то это вызовет смех. Мы еще добрых два часа лепили всякую чушь.

Крымков ушел. Расположившись на своем топчане то ли от хорошего настроения, то ли от изрядно выпитого спирта я ощущал себя парящим в пространстве, все медленно плыло и вращалось и я проваливался и проваливался куда-то, пока совсем не провалился в сон. Это день мог бы стать одним из самых запоминающихся дней в моей жизни, если бы не было еще одного...

Новейшая история

Со двора раздался голос Клавдии, которая кричала, девочке Кате из дома напротив, чтобы она немедленно слезла с подоконника.

Виктор вынырнул из прошлого и вновь стал Михалычем. Взгляд его остановился на папке с надписью «История войн». Около 10 лет он собирал вырезки из газет и журналов, касающихся сути и причин военных конфликтов. Что касается подоплеку событий египетско-израильской войны, в которой ему самому пришлось участвовать, то он их знал почти наизусть.

Вырезки

Конфликт возник вскоре после Второй Мировой войны. В 1947 году окончился срок тридцатилетнего мандата Лиги Наций, дававшего право Великобритании управлять Палестиной. В 1918 году на этой территории проживало 650 тысяч арабов и 56 тысяч евреев, то есть примерно девять к одному. В 1948 г. арабов было уже 1 380 000 человек или 67%, а евреев около 700 000 или 33%. Евреи со всего мира стали возвращаться на Святую Землю. И тогда только что созданная Организация Объединенных Наций после долгого и тщательного рассмотрения, учитывая требования меж-

дународных сионистских кругов, приняла решение о территориальном разделе Палестины на арабское (палестинское) государство и еврейское. Палестинскому государству отдавалось примерно 43% территории, израильскому – больше половины территории с равным раскладом по населению – 498 000 евреев и 497 000 арабов. Иерусалим – главный город Палестины – центр трех мировых религий: христианской, мусульманской и иудейской, – должен был бы стать интернациональным.

Но в Палестине процессы государственности забуксовали, и Израиль воспользовался этой ситуацией, присоединив основную часть палестинских территорий вместе с Иерусалимом.

В соседнем Египте к этому моменту пришел к власти молодой и амбициозный Гамаль Абдель Насер. Первое, что он сделал, это национализировал в 1956 году Суэцкий канал, хотя срок концессии британских и французских компаний (100 лет со времени постройки) истекал в 1968 году. Цена вопроса на тот момент составляла 100 млн. фунтов стерлингов дохода в год, из которых лишь 3 млн. доставалось Египту.

Суэцкий канал

Прорыт в 1859 – 1869гг. через Суэцкий перешеек и соединяет Красное и Средиземное море. Длина канала: 161км., глубина – до 16м., ширина от 116 до 312м.

Восстановить статус-кво англичане и французы попытались с помощью Израиля. В том же году израильские войска заняли южную часть Синайского полуострова, и вышли к каналу. Не имея возможности противостоять израильским войскам, Насер решил проблему канала по принципу – «Так не доставайся же ты никому!» и затопил в нем десятки судов с камнями и цементом.

К маю 1967 года он сколотил военный блок с Сирией, Иорданией и Ираком, выдворил с Синайского полуострова силы ООН и объявил, что форпост империализма – Израиль будет сброшен в море. «Мы должны идти по пути, политому кровью, – твердо сказал своему народу Насер. В июне того же года Израиль разгромил египетские войска и полностью оккупировал Синайский полуостров. Тогда-то и запросил На-

сер военную помощь от СССР.

В период относительного мира Насер осуществил свою мечту – построить плотину на Ниле. С помощью СССР, получив от него кредит в 140 млн. долларов и техническую помощь. В мае 1964 года состоялся пуск первой очереди ГЭС и на митинге по этому случаю, Никита Хрущев зачитал указ о присвоении президенту Насеру звания Героя Советского Союза. В самом Союзе, это вызвало возмущение советского народа. Почти повсюду зазвучало четверостишие, приписываемое одному из Евгениев, то ли поэту Евтушенко, то ли молодому дипломату Примакову:

*Лежит на пляже кверху пузом
Полу-фашист, полу-эсер,
Герой Советского Союза,
Гамаль Абдель на всех Насер.*

В 1970 году плотина была построена и стала памятником Насеру, покинувшему мир в том же году. Памятник впечатлял: объем сооружения равен примерно 17-ти пирамидам Хеопса, ширина плотины у основания достигает 1000 м, длина – 4600 м, высота – 111 м.

Первая ГЭС на Ниле

На 500 км протянулось одно из самых больших рукотворных озер в мире – озеро Насера. Правда оказалось, что в результате этого строительства Египет больше потерял чем приобрел. Вместо планируемого увеличения земель сельскохозяйственного назначения, их число уменьшилось. Сегодня эксплуатация Асуанской плотины (даже с учетом доходов от расположенной на ней ГЭС) ежегодно приносит стране убыток в размере примерно 20 млн. египетских фунтов. Сейчас в Египте обсуждается проект по ее ликвидации.

Михалыч вздохнул. Вот уж правда, история нас ничему не учит, – ты сначала наведи порядок у себя дома, а потом уж

помогай другим, и то не забесплатно. Правда идея построения социализма в отдельно взятой африканской стране отвлекла наших руководителей от не менее дурацкого проекта поворота северных рек в южные моря.

Михалыч еще раз вздохнул, как бы предотвращая последующие размышления о том, как бездарно разбазарены время, средства, жизни и силы нескольких поколений!

– Что сделано, – не вернешь! – вслух сказал он и стал собираться в магазин.

Жизненные зигзаги

Михалыч уже более десяти лет числился в пенсионерах, уйдя в отставку в звании майора. Он свободно мог бы дослужиться до полковника, но помешало не отсутствие ума, а его наличие. Михалыч никак не мог себя пересилить и заставить себя и свой личный состав заниматься бесполезной работой, на почве чего возникали стычки с армейским руководством. Только его высокий профессионализм не позволил им от него отделаться раньше времени. Жена никогда не упрекала его в его в «холодности» к карьерному росту, и моталась с ним по дальним гарнизонам, снося все тяготы армейской жизни и коммунальные неудобства.

Жена...

Вот уже три года как он вдовец. Слово неприятное, да и некрасивое. Он вообще старался этого слова избегать даже

в мыслях. Сын Дмитрий, пошел по стопам отца, тоже ракетчик, только служит во флоте. Видятся они редко. Последний раз на годовщину смерти матери он приезжал вместе с женой и внуком. Тогда Михалыч ему и сказал, что хочет перебраться из города, который давит на него. Дмитрий не возражал. Больше года ушло у него на поиск подходящего варианта, оформление купли-продажи и переезд. Разницу в сделке он отправил сыну.

Как ни странно в выборе места жительства основную роль сыграла ностальгия. Страна поделилась на два сегмента, – бурно развивающийся и умирающий. Основные деньги в стране крутились в Москве и Питере, еще небольшая часть в крупных промышленных центрах и курортных городах. Это и был развивающийся сегмент, а, дальше по всей стране шло умирание.

Городок, который выбрал Михалыч, находился как раз на стыке этих зон. Здесь даже местное руководство осталось, чуть ли не с Брежневских времен. Местный глава по фамилии Камышов, как поведал ему позже всезнающий Цезарь, был совершенно невзрачной личностью, которую нигде не узнавали, и ему постоянно приходилось представляться. В конце концов, лет через пятнадцать фамилия въелась, и сам город стали называть Камышовкой.

В городке продолжали работать несколько предприятий. Домов строилось примерно столько, сколько разрушалось. Количество жителей тоже не росло и не убывало, – сколь-

ко умирало или сбегало из городка, столько же и приезжало из бывших, порядком обнищавших советских республик. В остальном все было как везде: вокзал, автовокзал, гостиница, баня, несколько кафе и ресторанов. Везде шла тихая, размеренная жизнь. Самыми бойкими и посещаемыми были рынки – центральный, и Шапито – цирковой шатер, в котором вместо зрительских мест были оборудованы торговые. Вот туда-то, в Шапито и отправился Михалыч пополнить свой продовольственный запас.

Он поздоровался с Клавдией и сидевшей с ней рядом в неизменном платочке Липой Николаевной, – именно так сокращенно называли эту еще не старую, но всегда скукоженную женщину. Действительно полное имя Олимпиада, к ней как-то не вязалось. Цезарь и про нее поведал, что когда-то она была ярая активистка, была и парторгом и проф-оргом, да и вообще «шустрила», даже ему глазки строила, чуть до романа не дошло. А теперь вот в религию ударилась, видно потребность такая, потеряла веру в коммунизм, теперь верит в Бога.

Пройдя несколько шагов, Михалыч почувствовал, что прерванный его появлением разговор, с рассуждений на божественные темы переключится на его личность. Почему-то ему это стало неприятно.

Из трех колбасных отделов с одинаковым ассортиментом и символическим разбросом цен Михалыч неизменно ото-

варивался в одном. Там работала приятная молодая особа с честным взглядом и очаровательной улыбкой. Правда и здесь, Цезарь его подначил:

– Эта милая блондинка легко и непринужденно, честно глядя в глаза, и обвесит и обсчитает, – но, видя, что тот особа не реагирует, хитро прищурился и добавил, – хотя... постоянным покупателям по части обвесов скидка.

Покупатели ее любили...

Михалыч был прагматиком и потому к таким житейским тонкостям относился спокойно. Все-таки лучше пусть это делают легко и с приветливой улыбкой, чем с внутренним

напряжением и тяжелым взглядом.

Спешить ему было некуда, потому получив свою колбасу и, видя, что за ним никого, Михалыч решил перемолвиться парой слов:

– Как товар, разбирают?

– Не жалуюсь. Вот только что перед вами большую партию закупили.

– На свадьбу?

– Нет, у нас больше на поминки берут, – опять онкология.

– Так ведь город вроде вполне благополучный.

– Так это у них в газетах статистика благополучная, а наша статистика с их отчетностью никак не сходится.

Последняя фраза Михалычу очень понравилась, и по пути домой он размышлял: зачем люди врут?

Одни врут, что у них все хорошо, чтобы их не записали в неудачники или того хуже в дураки. Другие, наоборот, что у них все плохо, чтобы их пожалели, а может, и помогли. И это касается не только личностей. В армии, например, прикрывая свою неспособность и тупоумие показным порядком в части покраски и побелки, дескать все у них отлично! А на гражданке, те же коммунальщики, привирают, что все из рук вон плохо, чтобы денег побольше выцарапать.

На горизонте появилась неизменная парочка, Клавдия и Липа. Так получалось, что под их контролем находился основной путь от автобусной остановки с одной стороны и «Шапито» с другой. Михалычу вновь стало немного

не по себе. Сейчас Клавдия строгим прокурорским взглядом оценит объем его покупок, просвечивая полиэтиленовый пакет своим взглядом словно рентгеном. Михалыч помнил про этот контрольный пункт и был к просвечиванию готов.

Нет, не верил он, что Клавдия живет впроголодь, не те времена. Пенсия у нее должна быть достаточная, да и не понесет она ее всю в церковь, не такая уж она... Копит. А Храм Божий, для нее прикрытие... Сейчас по новой начнет.

Действительно, после того как «божьем одуванчиком» было преподнесено по сдобной булочке, купленных специально для них, Клавдия заговорила о предстоящей службе и о том, что понесет в Храм свои пожертвования.

– Клавдия Михайловна, – как бы отстранено обратился к ней Михалыч, – вы же не будете отрицать, что все, что нас окружает, все что мы имеем, принадлежит Богу?

Липа, в отличие от Клавдии, сразу почувствовавшей в этом вопросе подвох, в знак согласия кивнула.

– Так вы мне скажите, зачем нести Богу, то, что ему и так принадлежит?

Наступила пауза, которую Михалычу прерывать несколько не хотелось, и, бросив прощальный взгляд на слегка перекосившиеся лица собеседниц, он покинул контрольный пост.

– Антихрист, – услышал он вслед негромкий голос Липы, – сущий Антихрист!

Поднявшись к себе, Михалыч, расположился в кресле

и включил телевизор. Но неприятный осадок после последней встречи мешал ему. Он попытался отогнать от себя неприятные мысли, и переключится на что-то другое.

Антихрист... вот и прозвище себе схлопотал.

Михалыч вспомнил свое детское прозвище – Голкипер. Получил он его в тот самый день, когда понял, что сам он не такой как все. Именно так однажды назвал его тренер детской футбольной команды Павел Геннадиевич или как его все звали Геныч. Тогда он был просто Витьком и вратарем команды. Геныч стоял в центре поля и держал над головой только что полученной их командой кубок, вернее фарфоровую фигуру футболиста и весь сиял. И тут Витек почувствовал беспокойство и увидел странный фиолетовый ореол над статуэткой. Он весь напрягся. И вдруг Геныч роняет статуэтку. Витек как будто ждал этого. В невообразимом прыжке он ловит хрупкий приз и, падая на траву, умудряется перевернуться так, что фарфоровый футболист остается целым и невредимым.

– Голкипер! – уважительно произносит Геныч. Прозвище закрепилось надолго. Но сразу после этого произошло еще более необычное и загадочное.

Команда прошла в раздевалку. Геныч, поздравив всех с победой, поставил приз на подоконник. И вдруг Витек вновь почувствовал беспокойство и опять увидел над статуэткой фиолетовый ореол. Только что это? На фоне ореола

возникли два скрещенных белых крыла, и пока Витек обдумывал, что бы это значило, налетевший шквал распахнул окно и фарфоровый футболист как в замедленной съемке, сделав несколько переворотов, встретился с кафельным полом. Голова футболиста медленно закатилась под батарею отопления.

Эти два крыла он еще долго вспоминал и все пытался расшифровать этот знак. Уже много позже он понял, что это было предупреждение свыше, но что оно значило, оставалось для него загадкой.

Михалыч заставил себя вынырнуть из прошлого:

– Вот Володька, сейчас отправится к своей девушке, и им не надо будет думать о всякой ерунде. Это и ни к чему, – пусть наслаждаются жизнью. И Бог их за это не осудит, – у него же так и построено, чтоб в молодые годы делалось больше дел, а раздумья можно оставить и на старость. Да и воспоминания тоже.

Однако в нем почему-то продолжала нарастать какая-то тревожность, чувство опасности, которое его никогда не обманывало.

Проблемы

Вовка вышел из дома за час до закрытия магазина. По пути он обдумывал свои проблемы. Конечно, они были более

приземленными чем у Михалыча, например, как при весьма ограниченной наличности сделать вечер хорошим и приятным.

Поторопился, – укорил сам себя – отдал матери половину зарплат, чтоб себе из одежды что-нибудь прикупила. А аванс через два дня. Может у Пашки пару штук перехватить? – подумал Вовка и решил зайти к нему в агентство.

Офис был почти пустым. За дальним столом молодая женщина лет тридцати пяти работала за компьютером, а Пашка сидел, развалившись в кресле.

– Во, – явно обрадовавшись Володькиному появлению выступил он, – жених нарисовался. Ну, как Катюш, сойдет он за первый сорт?

Женщина оторвала взгляд от экрана и поверх очков взглянула на Вовку.

– Почему же за первый, он и на высший потянет.

– Ну, это по вашему возрасту, а у нас, чтоб на высший потянуть, тут не такой прикид нужен, да еще и лимузин в придачу.

– Чего катишь-то? – без особой обиды спросил Вовка.

– А то, что пока ты свои брюки два часа напаривал, к твоей Светке какой-то бой весь в понтах и не глаженных шортах два часа как мозги парит, можешь сам сходить посмотреть, вон и лимузин его там припаркован.

Вовка посмотрел в окно и увидел серебристую иномарку на обочине у самого входа в салон.

– Я ж тебе говорил – покупатель найдется. Надо было хватать и не на видное место, а в укромный уголок, да еще и паранджу накинуть.

Не говоря ни слова, Вовка выскочил из агентства, и быстро пошел к салону мебели.

– Во как нашего брата, из-за ваших сестер ведет! – резюмировал Пашка, глядя вслед спешащему приятелю.

Прямо в дверях салона Вовка столкнулся со смазливый парнем, чуть ниже его роста, в обрезанных до колен брюках и серьгой в ухе. Тот с довольной физиономией направился к машине, где со скучающим видом ждал упитанный верзил. Вовка притормозил, и, сделав несколько шагов в их сторону начал рассматривать витрину.

– Порядок! – хлопнув вскользь по протянутой руке верзилы сообщил смазливый, – Долго ломалась, но ты ж меня знаешь. Подруга-то была хоть сейчас, но я ее не стал звать, хотя по габаритам вы бы... – он засмеялся, – Короче, через час в боулинге, Юльку свою возьми, а я пока эту кралю домой свезу. Ей, видите ли, у мамы надо отпроситься – детский сад! Ну, ничего, сегодня мы из нее школьницу сделаем!

Машина рванула с места и скрылась. До закрытия магазина оставалось поло часа. Вовка лихорадочно думал, что предпринять? Пойти отговорить Свету? – будет выглядеть ревнивым дураком. Сразу разобраться со смазливый? — так он ему скажет, что она сама себе хозяйка и никакого штампа он на ней не видел.

Вовка брел по улице и думал что предпринять. Вот дурак, – думал он, – назначил бы ей встречу еще утром, и у нее был бы повод отказать.

Это сегодня... а завтра?

Через час он сидел в полутьме игрового зала боулинга, заказав себе пиво. Хоть бы ее мама не отпустила, – думал Вовка, хотя понимал, что это было бы смешно. Светке уже девятнадцать, а все девушки в этом возрасте вместе с мамами мечтают о богатых женихах. А этот смазливый прямо под эту мечту и попадает, если конечно это его машина, да даже если и не его, а папина...

Через двадцать минут появились знакомые уже Вовке лица, ну может кроме стройной брюнетки, видимо упомянутой

Юлии, которую он тоже где-то видел. Смазливый вел себя развязано, явно показывая, кто здесь главный. Он подозвал официанта, назвав его по имени, и не глядя в меню, сделал заказ. Вели они себя по-свойски шумно, видимо посещали это заведение постоянно.

Вовка не спускал глаз со Светы, как будто хотел прочитать ее мысли. Она была растерянно-возбужденной, – видимо первый раз была в такой компании и не знала как себя вести. Это Вовку немного успокоило, но ненадолго. Он, конечно, не мог слышать их разговора, но по тому, как смазливый к ней жался, а Света слегка отстранялась, он понял, что темы разговоров «сальные». Смотреть на все это было невыносимо, и Вовка решил уйти.

Он шел по вечернему городку, переполненный противоречивыми чувствами. Главным, в чем Вовка сам себе не хотел признаваться, было чувство ревности. Ведь если его признать, то надо признать и то, что он влюблен. Здесь было и чувство досады, – второй раз он находит предмет обожания и снова неудача. Он опять возвращался к той же формуле: «Все бабы стервы!», но как только он примеривал это к Светке...

Нет, все-таки она была не в своей тарелке, Вовка это заметил. Может это просто случайность, и ей сейчас там плохо и неудобно? А он бросил ее на произвол судьбы!

Он резко развернулся и пошел в обратном направлении.

Серебристая спортивная Хонда была припаркована на стоянке, – значит они еще здесь. Интересно, как это он пьет и водит машину?

Охранник у входа придирчиво осмотрел Вовку, но пропустил. Незаметно пройдя к тому же столику он, чтобы не вызывать подозрений снова заказал пиво.

Наблюдательный пункт с хорошим обзором

Веселье было в самом разгаре. Когда компания перешла в игровой зал, Вовка заметил у своего соперника пирсинг на языке. Придурок – нелестно подумал о нем Вовка, – когда

внутри головы ничего нет, ее украшают снаружи.

– При поцелуе девушек возбуждает, – вспомнил он высказывание одного из молодых грузчиков, нацепившего на язык то же самое.

Компания весело катала шары, когда смазливый отделился от нее и направился к туалету. Через минуту и Вовка последовал за ним. Он не знал, зачем ему это было надо, но что-то интуитивно повело его туда. Из занятой кабинки он услышал, как что-то брякнуло. Смазливый вышел оттуда, и быстро проследовал в зал. Предчувствие Вовку не обмануло, – он увидел в урне одноразовый шприц. То-то он заметил, что смазливый почти не пьет, а веселья – хоть отбавляй.

В бой!

Вовка незаметно прошел к своему столику, расплатился и вышел на улицу. Он стоял в наступившей полутьме, недалеко от освещенного крыльца.

– Ждите здесь, – услышал он голос смазливого когда вся компания вышла из боулинга. Он направился к стоянке и через минуту лихо подрулил к крыльцу.

– Карета подана! – продолжил он и, выйдя из машины направился к Светке, – Значит так, сейчас едем ко мне на дачу, по дороге затаримся всем необходимым, – он положил руку на ее плечо.

Верзила и его подруга встретили это предложение с одоб-

рением. Юля открыла дверь и привычно плюхнулась на заднее сиденье.

– Я не могу, я маме обещала к двенадцати быть дома.

– Макс, ты был прав, – заржал верзила, – детский сад!

– Нет, я правда не могу, правда... – лепетала Света.

– Хватит, – вдруг резко оборвал ее смазливый, – ты что девочка, не понимаешь, что за все надо платить? Я плачу за кабак, за бензин, за всю приблуду, а тебе, дорогая, и делать особо ничего не надо, так, только ножки раздвинуть, – невелика плата.

Света попыталась освободиться от руки смазливого, но тот схватил ее, и потащил к машине. И тут из темноты неожиданно выскочил Вовка. Он подлетел к сопернику и оторвав его от Светки, заломил руку так, что тот ткнулся лицом в капот.

– Боб, – задыхаясь от боли, прохрипел смазливый, – разберись кто это?

Верзила бросился на помощь. Вовка резко надавил на заломленную руку смазливого, но так, чтоб чего не сломать, а лишь продлить болевой шок и отскочил в сторону. Он увернулся от увесистого удара и нанес короткий несильный тычок по его голени носком ботинка.

– О еее!... – заревел верзила и согнувшись заковылял в сторону.

– Помогите, охрана, – закричал смазливый.

Но Вовка вновь заломил ему руку, и, наклонившись к уху

с серьгой четко произнес:

– Чтобы я тебя паскуда, у салона больше не видел!

Из дверей боулинга выскочил охранник и все дальнейшее произошло почти мгновенно. Вовка почувствовал, что над его головой что-то пролетело, и посыпалось переднее стекло, – это верзила запустил камень. В тот же момент он услышал Светкин крик: – Не бейте его! и почувствовал страшный удар по темечку. Его пытались оттащить от соперника, он же вцепился в него мертвой хваткой. Последовал еще один удар, после чего наступила тишина.

– Так-так, – произнес молодой кучерявый лейтенант, ставя точку в протоколе, – ознакомься и подпишись, – он ткнул пальцем, – здесь, здесь и здесь.

Голова у Вовки гудела, он вновь прикоснулся к огромной шишке и вздрогнул от боли.

– Чем это меня? – спросил он у лейтенанта.

– Охранник дубинкой приложился, – ухмыльнулся лейтенант, – видать от души.

Вовка начал читать протокол «В состоянии алкогольного опьянения... совершил нападение... телесные повреждения средней тяжести... разбито ветровое стекло... попытка воровства...»

– Какое еще воровство? – пробормотал Вовка.

– Проверь, зубы-то все целы?

Вовка машинально приложил руку ко рту.

– Вроде все...

– Вот этими самыми зубами, ты и вырвал из уха Максима Троянова серебряную серьгу в виде кольца, что и расценивается, как попытка воровства. А порванное ухо потерпевшего и есть то самое телесное повреждение, зафиксированное врачом скорой помощи.

– Я это подписывать не буду!

– Твое право, есть свидетельские показания, так что суд разберется.

– Суд?

– А ты как думал? В совокупности это может вообще потянуть на разбойное нападение, а это статья, дай Бог память... – короче попал ты парень.

Лейтенант порылся в столе, видимо нашел, что ему было нужно, и быстро заполнил.

– Ладно, учитывая твои положительные характеристики и наш переполненный изолятор, сочли возможным выпустить тебя, под подписку о не выезде, – лейтенант вновь ухмыльнулся, – если конечно ты ее подпишешь.

Вовка подписал заполненный бланк.

Подписка о невыезде (ст.102 УПК РФ) -

Цель данной меры пресечения – временно ограничить свободу передвижения подозреваемого или обвиняемого. Делается это на основании письменного заявления о возложенных на подозреваемого обязательствах.

К обязательствам относятся:

- невозможность покинуть место жительства без особого разрешения дознавателя, следователя, прокурора или суда;
- являться в указанные сроки по вызову компетентных органов;

– Там внизу тебя краля дожидается, из-за нее сыр бор-то?

Ничего, если любит, – дождется. Свободен... пока...

Вовка открыл дверь. У дверей кабинета стоял младший сержант, с наручниками на поясе, доставивший его сюда.

– Пропусти, – донесся из кабинета голос лейтенанта.

Вовка медленно спускался по длинной деревянной лестнице. Голова еще плохо соображала, и он все не мог осмыслить сложившуюся ситуацию.

Внизу действительно его ожидала Светка.

– Как они тебя... – и на глазах у нее появились слезы, –

это я во всем виновата...

Они вышли из здания ОВД, прошли в расположенный напротив него скверик и сели на лавочку. Светка с дрожью в голосе рассказала ему все то, что он уже не мог видеть.

– Они чуть не убили тебя, Макс... – она замялась, видя, как скривился Вовка при одном упоминании этого имени, – ну, в общем, он примерился ногой к твоему виску и..., я закричала и ты вдруг повернул голову. Удар пришелся вскользь. Потом охранник его оттащил. Врач со Скорой сказал, что еще бы чуть-чуть...

Она потрогала его вздувшуюся щеку.

– Больно?

Только теперь Вовка почувствовал боль в подглазной части лица, до этого ее заглушала боль у темечка. Он попросил зеркало, – картина была устрашающая.

– Ты, почему не на работе? – строго спросил Вовка

– Меня, тебя встретить отправили, чтобы до дома проводить... вернее, я сама попросилась.

– И тебе не стыдно будет с таким чучелом по улице идти?

– Нет, не стыдно, – твердо ответила она.

Больные места

Михалыч знал, что Вовка не ночевал, и уже начал волноваться, но тут он услышал, как открывается входная дверь. Поняв, что тот не один, Михалыч не стал выходить из сво-

ей комнаты. Затем он услышал легкие шаги, сначала на кухню, потом в ванную и звук набираемой воды. Время было обеденное, Вовка должен был быть на работе. Что-то здесь не так, – подумал он. Но через десять минут хлопнула дверь и все стихло.

Около семи часов вечера раздался звонок, Михалыч открыл дверь и увидел на пороге милостивую, даже можно сказать красивую девушку. В каждой руке у нее было по пакету. Девушка немного смутилась, но тут же поздоровалась, назвав его по имени отчеству, и добавила:

– Я тут больного пришла проведать, можно?

– Проходите... А что он заболел?

Девушка что-то невнятно пролепетала и прошмыгнула в Вовкину комнату. Действительно что-то не так – подумал Михалыч и ушел к себе.

Через полчаса выйдя на кухню, он увидел у плиты девушку, которая варила пельмени.

– У нас, значит, хозяйка появилась. И как же ее зовут?

– Меня зовут Светлана, – вновь слегка смутилась она, – мы с ним на одном предприятии работаем. Я тут в ваш холодильник некоторые продукты поставила, это ничего?

– Нормально... Вот что Светлана, ты мне ничего не хочешь рассказать?

– Хочу, – честно ответила она, – но он мне строго настрого запретил рассказывать, особенно Вам.

– Ну, если это такой секрет, и ты можешь его сохранить,

тогда не надо, только скажи, это не опасно?

– Опасно, – вновь честно сказала она, и добавила, – я правда могу хранить секреты, но в данном случае Володя не прав, и, очень нужен совет. Даже не знаю, что мне делать...

– Ты вот что, иди, корми своего подопечного, а потом зайди ко мне и все как есть расскажешь.

Через полчаса в комнату Михалыча постучали. Вошла Света, одна:

– Я уговорила его, он согласился, – после чего поведала о том, что произошло прошлым вечером.

Михалыч внимательно слушал ее сбивчивый рассказ и одновременно размышлял, о том, чем по нынешним законам это может грозить его постояльцу, и как тому можно помочь. Картина складывалась неутешительная.

Света ушла. Михалыч сидел и думал о том, что все в жизни повторяется. Сколько таких историй он уже слышал на своем веку, да что слышал, самому пришлось по молодости. Даже сейчас, за то время пока он слушал Светин рассказ, произошла уже не одна тысяча таких разборок. Большинство их остается без последствий, ну, подмажут ссадины, поклянутся отомстить, и вскоре все забудут, – время лечит.

Конечно с возрастом и приобретенным опытом мужики уже обходятся без эксцессов, но ведь возраст... А смог бы он в 20 лет выйти из данной ситуации по другому? Вряд ли.

Из глубины памяти вроде бы совсем некстати вынырнул анекдот:

Спаслись после кораблекрушения четверо мужиков разного возраста, у одного оказался бинокль, вот он и высмотрел на соседнем острове несколько спасшихся женщин.

– Все ребята, плывем! – крикнул 20-летний и полез в воду.

– погоди, – сказал 30-летний, – сейчас быстренько плот соорудим.

– Нет уж, плот сделаем капитальный! – заявил 40-летний.

– На нем парус поставим и дождемся попутного ветра, – добавил 50-летний.

– Да что вы все мельтешите, – вступил в разговор 60-летний, – лежите вы, отдыхайте, сейчас они сами приплывут.

Действительно, первую половину жизни у людей преобладают в большей мере инстинкты, – мужчины гонятся за красотой, женщины ценят силу. В большой цене и другие внешне эффектные качества, а разум и душа стоят в конце очереди.

Через некоторое время Михалыч постучался к Володке. Они проговорили с ним почти два часа. Михалыч попросил его вспомнить все до мельчайших подробностей. Уходя, он порекомендовал Вовке обратиться к врачу, и уже выходя

из комнаты, сказал ему ободряюще:

– Кажется, ты в своем выборе не ошибся...

Здание ОВД в городке представляло историческую ценность, – оно было построено еще во времена Екатерины. Михалыч, одетый в строгий серый костюм остановился у входа. На небольшом крылечке, курили два молодых милиционера.

– Ребята, а у вас в отделении воины интернационалисты не служат?

– Че-е-го? – протянул один, – какие еще воины интернационалисты?

– Ну, афганцы, например.

– Что ты, дядя, афганцы уже давно на пенсии.

Ветераны необъявленных войн

– Погоди, – вмешался второй, – у нас кажется зам. начальника подполковник Неустроев в Афгане был. Он на втором этаже – налево.

Михалыч поблагодарил и поднялся на второй этаж.

– Александр Петрович занят, – проинформировала его секретарь.

– Ничего, я подожду.

– Он очень занят и может вас не принять.

– Примет, – без тени сомнения произнес Михалыч.

Секретарь с интересом посмотрела на посетителя.

– А как вас представить?

– Спасибо не надо, я сам представляюсь.

Ждать пришлось недолго, подполковник сам вышел в приемную, провожая коротконового, грузного человечка, который продолжал с возмущением размахивать руками, произнося сто слов в минуту, из которых Михалыч смог разобрать лишь несколько.

– Разберемся, – прервал эту нескончаемую тираду подполковник, – отнесите все следователю, – и взглянул на нового посетителя.

Короткого взгляда этих двух умудренных жизнью людей было достаточно. В народе есть поговорка «Рыбак рыбака видит издалека», она так же точно подходит и к бывшим воинам, не тем, кто служил, а тем, кто пороху понюхал.

– Проходите, – пригласил подполковник, и когда Михалыч присел на предложенный стул, спросил:

– Афган?

– Был и там, но начинал с Египта.

– Какие проблемы?

Михалыч поведал суть вопроса, рассказав, все что знал, после чего добавил:

– Правильный парень, меня чутье никогда не обманывает. На таких нам только и остается надеяться, а не на всю эту шелупонь. Надо помочь.

Подполковник вздохнул.

– Ты напрасно думаешь, что все тут зависит от меня или моего начальника. Ты знаешь кто этот Максим Троянов? Любимый сынок зам главы.

– А что это меняет?

– Коротышку в приемной видел? Он по этому же вопросу ко мне приходил. Адвокат Троянова, по кличке Пулемет. Требует ускорить следствие, провести расследование по полной, уже все необходимые справки и документы принес. А перед этим и сам Троянов звонил.

Он встал, прошелся по кабинету, и, остановившись у своего стола, повернулся к Михалычу:

– Есть только один выход, пока идет следствие, а я пообещал в неделю управиться, надо чтобы истец забрал заявление. А для этого надо идти не к этому сопляку, а к его папашке.

– Какие болевые точки?

– Пожалуй... жадность и трусоватость... на гнусность же не надавишь. Давай так, в порядке очереди к нему попасть на прием – месяц. Крутится там по коридорам один пройдоха – «Фунтик». Он за определенную мзду устраивает нужные встречи, по-ихнему это «прокладка» называется. Только не говори ему по какому делу, скажи по взаимовыгодному.

На вопросительный взгляд Михалыча, подполковник произнес:

– Самого воротит. Я и так уже последний из могикан, все ждут не дождутся когда уйду. Я ведь из наших здесь один

остался – дачу не построил, на «Ниве» езжу. Не подумай, что я оправдываюсь. Давай что ли за Кандагар по рюмашке.

Михалыч поблагодарил, но отказался.

Неделя срок вроде бы большой, но это только кажется, – не заметишь, как пролетит. Михалыч не стал откладывать дело в долгий ящик и сразу пошел в городскую администрацию. Здание находилось по соседству с ОВД и среди облупившихся двух-трех этажных домов дореволюционной постройки выделялось монументальностью. Входя в вестибюль, он поймал себя на мысли – такое шикарное здание администрации иметь в таком захолустном городке, – мягко говоря, неприлично.

В действительности, по тогдашней задумке весь город должен был стать таким же статным, густонаселенным и удобным для жизни и труда. Здание администрации и горкома партии должно было стать первым камнем в заделе будущих светлых времен, но как у нас часто бывает, после закладки первого камня и последующего празднования этого события, средств на второй камень уже не хватает. Все это происходило на излете коммунистических времен, в период престарелых вождей, который был охарактеризован в народе поговоркой:

«Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Центральном Комитете».

Михалыч поднялся на третий этаж к кабинету Троянова. Хотя он и забыл спросить у подполковника фамилию или хотя бы приметы «Фунтика», вычислить его не составило труда. Записавшись для вида на прием, и пройдя не спеша по коридорам, он два раза наткнулся на невысокого хлыщеватого человека, с небольшими усиками, шарящего глазами по посетителям. Он, – подумал Михалыч, – точно он, – и при очередной встрече остановил его.

– Молодой человек, не могли бы вы мне подсказать...

– Я вас слушаю.

– Вернее, мне уже подсказали, что мой вопрос может решить Троянов, но его приемные дни меня не устраивают. Я здесь буду всего три дня, и сами понимаете...

– Суть вопроса?

– Хочу поменять свой Север на ваши прекрасные места, и вопрос обычный обустроиться и вложиться в небольшой бизнес, чтобы на хлеб с маслом можно было что-то сверху положить.

– Вам совершенно правильно подсказали. Но... он так занят, что в течение трех дней это проблематично. Надо его секретаря уговорить, продвинуть, отблагодарить...

– Так мне к секретарю?

– Нет, нет, что вы! – всполошился Фунтик, – она у чужих ни под каким видом... но я уже вошел в ваше положение и...

– Не стесняйтесь, говорите конкретнее.

Фунтик окинул оценивающим взглядом добротный, правда, чуть устаревший костюм просителя и незаметно показал три пальца.

– Триста фунтов?

– Чего? – Фунтик подозрительно взглянул на просителя, а Михалыч досадуя, на произвольную промашку стал выкручиваться.

– Это у нас в Мурманске условную единицу так зовут.

Хлыщеватый достал блокнот, пролистал и назначил Михалычу прием через день на десять утра, а тот в свою очередь, заверил его, что «гонорар» будет примерно на полчаса раньше. Фунтик скривился, но согласился.

Уроки истории

Михалыч подошел к дому. Во дворе он увидел Цезаря и подсел к нему на скамейку. Поделившись впечатлениями о посещении местных чиновниках, Михалыч в сердцах выпалил:

- Слушай, – откуда вся эта мразь наверху собирается?
- Тут ты на часовую лекцию нарываешься. Время есть?
- Как бы тебе сказать...
- Понял, но и в самом сокращенном виде – минут пятнадцать.
- Валяй.

Бюрократия

– Первые случаи мздоимства зафиксированы в Древнем Египте и Шумерии. О вымогавших незаконные вознаграждения стало известно из расшифрованных клинописей древнего Вавилона середины III тыс. до н.э

В Библии взяточничество или по древнему лихоимство входит в ряд тяжких грехов: «... злые помыслы, прелюбодеяния, убийства, кражи, лихоимство, злоба, коварство.

- А фунт лиха не оттуда? Дал фунт гаишнику и лихач себе на здоровье!
- Что-то я вижу, ты повеселел.

– Ты мне идею подал. Теперь буду думать сколько фунтов лиха отвесить местным мздоимцам? Не обращай внимания, я слушаю, слушаю...

– В Древнем Риме после Цезаря пошли дальше и уже начали продавать доходные чиновничьи места. В Византии появилось новое веяние – бюрократия. Здесь уже понадобилась командная игра, почему-то сейчас это ассоциирующаяся у всех с футболом, потому, что главным ее приемом было по современным понятиям – отфутболить. Вот здесь начали продавать время, – хочешь, жди решения вопроса или встречи с нужным чиновником месяц, хочешь поскорее, – плати.

– Значит это из Византии...

– А что ж ты думал, что это наши мужики придумали? Чиновничий аппарат проходил шлифовку тысячелетиями! Факты сговора и утаивания истинных доходов на Руси появились в XI – XII веках. Древние новгородцы уже в то время применяли меры против коррупции. Например, должности наместника в городе и старост концов (пять районов Древнего Новгорода) не могли заниматься одним и тем же человеком более двух лет. А чтобы старосты концов не могли сговориться с представителями сельских общин в пятинах (областях), которые они курировали, – пятины довольно часто пере подчиняли. Мздоимство было известно на Руси испокон веков.

Мздоимство

упоминается в русских летописях XIII в. Первое законодательное ограничение коррупционной деятельности в России было осуществлено в царствование Ивана III. Иван IV (Грозный) по Судебнику 1550 г. впервые ввел смертную казнь в качестве наказания за чремерность во взятках.

– Ну, Палыч, ты, может, и рэкет в те времена загонишь?

– Факт «крышевания» был уже у древних пиратов, они за мзду торговые караваны сопровождали.

Цезарь вдруг оживился:

– А вот само понятие «крышевания» пришло к нам из каменного века. Тогда люди поклонялись священной горе, которая вдруг исчезла и улетела в небо – ледник-то ведь растаял и испарился. Все считали, что северное сияние и есть исчезнувший ледник. Потому самая знаменитая мантра древности сохранилась до наших дней:

Хара Кришна означало – гора защиты или укрой.

– А по простому – будь крышей?

Цезарь задумался, видимо улетел вглубь веков, и через минуту вынырнул:

Ты Михалыч меня с темы не сбивай, – сам собьюсь. Итак, в средние века в Европе четко определилось новое направление – лоббизм, в переводе на наш язык пробивание чьих-то интересов

– С помощью твердого лба?

Цезарь укоризненно покачал головой, как бы намекая – что с отставного вояки возьмешь?

– Мыслишь слишком прямолинейно – и на лбу вмятина проступила от фуражки – помассируй!

Михалыч, на его подколы не обижался, сам Цезаря за заумности поддевал иной раз. Он жестом извинился, сел как дошкольник выпрямив спину и положив руки на колени. Видя образцовое поведение «ученика», Цезарь продолжил:

– Кстати, откаты, это разновидность лоббизма. Первые откаты на Руси получал Меншиков. Петр, зная замашки своего сподвижника, к казне его не допускал, но Меншиков почти полностью ведал распределением государевых подрядов, – за что и брал определенный процент. Из откатов и выросли его дворцы и многомиллионное состояние.

В последствие эта схема почти перестала применяться, перешла в прямое казнокрадство, то есть сверху спускали одни деньги, а снизу требовали отчитаться за другие,

в разы больше. Самый показательный пример можно найти в школьной программе: потемкинские деревни, – деньги, взятые из казны на освоение Малороссии частью ушли в карманы чиновников, а в качестве отчета была применена показуха а на бумаге это зовется очковтирательством.

Михалыч слушал своего визави с большим интересом. Многое ему было знакомо, особенно показуха процветающая в армии. Он вспомнил, как по этому поводу говорил рядовой Рябов:

У каждого командира полка в сейфе лежат розовые очки, для проверяющих.

– К концу XIX века в чиновничьем аппарате все же смогли, кое-как навести порядок. Но тут грянула революция и тезис В. И. Ленина – кухарка может управлять страной, – был принят на вооружение. Активисты, – отъявленные бездельники, которые всегда с удовольствием меняли рабочие места на площади и митинги, – были людьми малограмотными. Ты вот не знаешь, что в нашем городке после революции существовала артель «Красная синька» – каково? А сколько было искажено фамилий и имен при переписях и выдаче красных паспортов!

И тут вновь возродилась бюрократия, но не та, что была в Византии, а с новым лицом. Основана она была не волокитой и мздоимстве, а на страхе понести ответственность. Если

ты единолично принял решение, в случае неудачи виновник ясен. А если на бумаге двадцать подписей, то всех к стенке ставить не будут, а выберут стрелочника. Так, что шансы на выживание увеличиваются вместе с количеством подписантов.

– Где-то я это слышал: бюрократия размножается разделением обязанностей, при этом за конечный результат никто не отвечает.

– Да нет, при Сталине виновных всегда находили. В тридцатых и сороковых, многие чиновничьи должности были «посадочными» или «расстрельными». Когда перестреляли всех умных, стало совсем просто: подумаешь, дурака расстреляли, на его место еще десять таких найдем!

Вот тогда и пошло поголовное отупение руководящих кадров на местах. Вместо деловых качеств на первое место вышли преданность и исполнительность аппарата. И тут началась цепная реакция – дурак, не может держать в подчинении людей умнее себя. Только появиться слишком умный – всего-то, настучать куда надо, что человек много думает и порядок.

Карающий меч пролетарского возмездия

Короче к относительной свободе шестидесятых был достигнут максимальный результат – полнейшая дискриминация чиновничьей профессии. Ну, сам посуди, какой умный и порядочный человек в эту свору вольтется, – его же там с потрохами слопают, или сдадут куда следует.

В конце 80-х – начале 90-х в период беспредела и бардака в ряды приспособленцев влились пройдохи. Вот и настало время хапужников – жить во власти они быстро научились,

заодно и слово демократ сделали ругательным. Они-то и вынули из запасников истории все испытанные приемы перекачки государевой казны в свои карманы. Названия только другие дали, например кидаловка стало банкротством, а казнокрадство – откатом, взятки – смазкой или прокладкой. Пока хватит...

– Ну, Митрофаныч, тебе надо доктора по этой теме давать и отправить тебя высшему руководству лекции читать.

– Не смейся. Кому это надо? А народу это знать вообще не положено – чего ж его лишний раз расстраивать.

Он посмотрел на часы

– Ну вот, в пятнадцать минут уложился, так что – свободен.

Михалыч почувствовал, что настроение у его приятеля после его похвалы изменилось не в лучшую сторону.

– Странно... – подумал он.

Взаимопонимание

В почтовом ящике лежала повестка в милицию. Михалыч зашел ее передать, а заодно и проведать раненого. Тот уже побывал у врача – на столике лежали таблетки и больничный лист.

– Что там наши врачи определили?

– Гематома и сотрясение мозга.

– Это хорошо, значит, мозги все-таки есть. Теперь их надо

зафиксировать в нужном положении и порядок.

Вовка улыбнулся.

– Правда, я еще раньше это заметил, а утвердился, когда ты протокол задержания не подписал. У следователя говори четко и все как есть, – тебе врать не надо.

Михалыч сказал Вовке еще несколько ободряющих слов, и уже уходя, бросил взгляд на книгу, лежащую у подушки.

– Булгаков, – проследив его взгляд, сообщил Вовка, – «Собачье сердце», Светка принесла.

– Почитай, почитай, на твоём пути Шариковы и Швондеры еще не раз нарисуются.

Михалыч прошел в свою комнату и погрузился в размышления. Утренний поход по инстанциям и последующая дворовая лекция вновь пробудили воспоминания. Сколько ему пришлось обить порогов военного ведомства в период перестройки и уже позже, в период реформ. Ходил и за себя и за других. Когда речь заходила о боевых действиях в Египте, чиновники равнодушно ссылались на запись в личном деле – «правительственная командировка».

Мы оказывается, не воевали, не погибали, а чуть ли не отдыхали в этой самой «правительственной командировке». Один прямо так нагло и заявил: «Что, мы не знаем как вы там, в Средиземном море вымачивались? Я и сам бы не отказался в Египет съездить». Как же мне захотелось тогда ему по мордам съездить. Тут же в памяти всплыли слова из песни барда Рябова:

*Мы в этой жизни все заявлены,
И в этот бред и в эти сны,
Не все вернулись с необъявленной,
Той необъявленной войны.
Помечены проклятой краскою —
Цвет хаки с ниткой кровавой,
И очень часто чуть с опаскою
Все нас обходят стороной.*

*Чинуша с мерзким равнодушием
Чуть блеклым взглядом поведет,
А мы обиду эту скушаем,
А может быть, – ударим влет!
Пусть это спишут на ранение,
Иль на какой-то там синдром,
А это сердца откровение
На наш большой, родной дурдом.*

Да-да, это тот самый рядовой Рябов, из его дивизиона, а позже в Афгане старший лейтенант Рябов. Там он с ним тоже случайно встретился под Кандагаром – теперь стал известным бардом и даже пластинку выпустил.

Вспомнил Михалыч, как он попытался помочь рядовому Скворцову, получившего два ранения в Афганистане. Тогда он поднял на ноги всех друзей из Военно-Медицинской Академии, – но бесполезно, ничего в архивах не было найдено. А ведь ранило Скворцова на его глазах, но свидетельские

показания, как ему пояснили, не являются доказательством. А сколько «замылено» наград! Когда они сбили первые два «Фантома», командиру дивизиона присвоили звание Героя, заместителю дали орден, а ему, командиру взвода управления и наводящим – благодарности. Но он сам видел представление, куда не забыл себя вписать и политрук Непорчук. Вот он-то все же орден получил, а куда пропали остальные, одному Богу известно.

Но военная бюрократия советских времен была устроена по другому принципу, – поменьше шума и поменьше льгот. Раньше если только подарки принимали, да высшим чинам охоты устраивали. Взятки же в армии явление новое, так сказать демократическое. Когда горячие точки появились, матери на последние деньги жизни своих сынов выкупать стали. Ну, еще во времена демократии распродажа военного имущества шла всюду, на рынках чуть ли не в открытую оружием торговали.

Размышления Михалыча прервал звонок в дверь. Сиделка пришла, – улыбнувшись, подумал он.

Через полчаса в комнату постучали.

– Войдите, – пригласил Михалыч.

В комнату вошла Светлана. Она видимо что-то собиралась сказать, но как это часто бывает у молодых и любопытных, сразу отвлеклась. Окинув взглядом холостяцкую обстановку, она произвольно задала чисто женский

вопрос:

– Вы тут один живете?

Михалыча это даже развеселило:

– Нет, там за стенкой у меня постоялец раненный, которому постоянный уход нужен.

– Да ну вас, – чуть смутилась Светка, продолжая знакомиться с обстановкой.

– И вам не скучно?

– Нет, у меня же вон сколько друзей и подруг, – он указал на книги.

Светка быстро пробежалась по корочкам и заявила:

– Нет. Мне такое не интересно, у вас все больше про войну и про религии всякие... – но она не договорила, так как ее взгляд остановился на большом белом пере.

– Нравиться?

– Необычно... и цвет такой белый... и пыль на него не садиться.

Михалыч подошел к Светлане и осторожно взяв за плечо, развернул ее.

– Вы что-то хотели мне сказать?

– Ах, да, я хотела пригласить вас на блины. Вы их с вареньем черничным пробовали?

– С домашним? – Никогда!

– Так пойдемте, – обрадовалась Светка, – а я боялась, что вы откажетесь.

На кухне уже сидел Вовка, перед которым стояла большая

тарелка, накрытая другой тарелкой меньших размеров, и вазочка с вареньем, от которого исходил аромат леса. Он честно ждал команды к началу.

– Сейчас, обождите еще минутку, – Светка быстро поставила каждому по красивой тарелке, – из дома прихватила, – пояснила она, а то вот посмотрела на чем он ест, обцепит какой-то. Где он их взял? С них и есть неприятно.

Она быстро разлила чай и уселась между ними. Блины были вкусные, а варенье просто умопомрачительное. Светка смотрела, как мужчины с удовольствием поглощают ее угощение, и вдруг честно призналась:

– Это единственное, что у меня хорошо получается.

– А ты чего сама-то не ешь, – спросил сквозь заполненный рот Вовка, – располнеть боишься?

– Боюсь, – кокетливо ответила Светка, – и ты меня любить не будешь.

Так, значит, уже до признаний дошло, – отметил про себя Михалыч, – молодежь, торопится жить, в наше время отношения складывались медленнее. А и то правда, пока строишь планы на будущее, жизнь может пройти мимо.

– Так какие же у вас планы? – продолжил свои размышления Михалыч.

– Какие уж теперь планы... – грустно произнес Вовка.

– Он через месяц поступать собирался, на химический, – начала пояснять Светка, – у него в школе химия любимый предмет был.

– Все равно тройки ставили, у нас в школе все учителя с оглядкой на других оценки ставили. Отличник отвечает на тройку – все равно пять, а троечник не обидится, когда оценку занижат, – главное не двойка.

– Ну и что тебя в химии интересует, какие проблемы?

– Скорее не в химии, а в биохимии. Например, как это вот этот блин, в мысль превращается? Конечно не напрямую, сначала в биохимическую энергию, а потом уже в мозг...

– И этот же блин, не только мозги заряжает, но и кулаки наливает. И они при этом у некоторых даже мысли опережают.

Михалыч посмотрел на насупившегося Вовку, почувствовал, что тот немного обиделся и произнес примирительно:

– Ладно, ладно, все мы по молодости куда-нибудь втюхивались. Вы старикам не верьте, что они всю свою жизнь без накладок прожили. Врут, – он обратился к Светке, – а тебе хозяйка спасибо за угощение, как научишься еще чего готовить,... ну сама понимаешь...

– Обязательно приглашу, – заулыбалась Светка.

Михалыч вошел в свою комнату, и сел в кресло. Первый раз за много лет он ощутил себя в какой-то домашней, семейной обстановке. Всего каких-то двадцать минут, но и их ему было достаточно, чтобы наполниться светлой теплотой. Он еще больше утвердился в том, что этим ребятам обязательно надо помочь, чего бы это ему не стоило.

И тут он вспомнил слова Светланы «... и цвет такой бе-

лый... и пыль на него не садиться». Действительно, он никогда не обращал внимания на такие мелочи. Он открыл стекло, взял перо в руки и вновь он оказался там, в том самом семидесятом.

Опять в прошлое

– Товарищ старший лейтенант, у Петрова все ноги в язвах, – доложил ему Рябов, – а он к санинструктору не идет И все! Его уколами в отделении запугивают – он их смерть как боится!

Виктор прошел с Рябовым на позицию и заставил Петрова задрать штанины. Зрелище было не из приятных.

– Рядовой Петров, следуйте немедленно к санинструктору, пусть пока вас Рябов сменит.

– Здравсте... я тут, забочусь о здоровье ближнего а мне за это наряд вне очереди?

– Отставить разговоры!

Петров начал ныть, что, мол, и так все пройдет, просто чешется, вот он и расчесал.

– Выполняйте команду!

Петров нехотя начал собираться.

– Ты хоть автомат оставь, – напомнил Рябов, – а то возьмешь сгоряча расстреляешь полкового врача.

Солдаты вокруг загоготали.

– Слушай Рябов, откуда ты это все берешь?

– Я, не они, товарищ лейтенант, я к армии заранее готовился, соответствующую литературу почитал. Этой прибаутке про врача почитай сто лет скоро будет.

– Это только у Петрова такие болячки или еще у кого?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.